

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛЬ.

Адресъ Редакціи:

Ординацкая улица, домъ № 2 кв. 18—въ Варшавѣ.

Годовая цѣна—5 р. с.

Выходить два раза въ мѣсяць: 1-го и 15-го числа.

ОТДѢЛЪ I.

ВЪСНІА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННА РАДОРАЖЕНІА.

УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО,

изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода,

Пресвященному Леонтію, Архіепископу Холмскому
и Варшавскому отъ 25 іюня 1882 года за № 2205 о
возведеніи второкласснаго Яблочинскаго монасты-
ря въ первый классъ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 21 мая 1882 года за № 6631 о томъ, что въ 15 день того мая Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 16—31 марта 1882 года о возведеніи Яблочинскаго Онуфріевскаго монастыря Холмско-Варшавской Епархіи въ 1-й классъ, съ увеличеніемъ получаемаго нынѣ монастыремъ изъ казны содержанія 3720 р. на 965 р. въ годъ и съ отнесеніемъ сего послѣдняго расхода, впредь до возможности обращенія онаго на суммы Государственнаго Казначейства, на спеціальныя средства духовнаго вѣдомства. *Справка.* Въ іюль 1881 года Ваше Преосвященство представили Святѣйшему Синоду о возведеніи находящагося въ сорока верстахъ отъ города Бѣлы, близъ села Яблочнаго, Сѣдлецкой губерніи, Онуфріевскаго Яблочинскаго мужскаго монастыря въ первый классъ, съ увеличеніемъ нынѣшняго его оклада содержанія добавочною суммою въ 965 рублей, согласно штату первоблассныхъ монастырей. Разсмотрѣвъ это пред-

ставленіе и принимая во вниманіе древность Онуфріевскаго Яблочинскаго монастыря и важное значеніе его въ краѣ, какъ памятника непоколебимой твердости въ православной вѣрѣ и разсадника первоначальнаго образованія для дѣтей всякаго званія въ духѣ православія и русской народности, а также имѣя въ виду, что при настоящей дороговизнѣ, средства означенной обители оказываются недостаточными для содержанія монашествующей братіи и монастырскаго училища, Святѣйшій Синодъ призналъ заслуживающимъ полнаго уваженія представленіе Вашего Преосвященства о вышеупомянутомъ монастырѣ, а потому опредѣленіемъ 16—31 марта 1882 года постановилъ: 1, предоставить Г. Синодальному Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на возведеніе второкласснаго Онуфріевскаго Яблочинскаго монастыря, Холмско-Варшавской Епархіи, въ первый классъ и 2, поручить Хозяйственному при Святѣйшемъ Синодѣ Управленію потребный на увеличеніе получаемаго нынѣ Онуфріевскимъ Яблочинскимъ монастыремъ оклада содержанія добавочный ежегодный расходъ въ суммѣ 965 рублей отнести въ текущемъ году, сколько такового причтется, на экстраординарный кредитъ по капиталу духовенства западнаго края, а на будущее время вносить этотъ расходъ въ смѣту по сему капиталу, впредь до возможности обращенія онаго на средства Государственнаго Казначейства. Приказали: Объ изъясненномъ Высочайшемъ соизволеніи, съ прописаніемъ оказавшагося по справкѣ, дать знать Вашему Преосвященству указомъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

О разрѣшеніи рукополагать во священники не окончившихъ курса наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ.

Отъ нѣкоторыхъ епархіальныхъ преосвященныхъ поступили въ Святѣйшій Синодъ представленія о встрѣчаемыхъ ими затрудненіяхъ относительно замѣщенія священно-служительскихъ вакансій въ церковныхъ причтахъ по недостатку кандидатовъ священства, окончившихъ курсъ богословскихъ наукъ въ семинаріяхъ, и о разрѣшеніи, въ виду указанной причины, рукополагать во священники и не окончившихъ семинарскаго курса благонадежныхъ діаконовъ. Святѣйшій Синодъ, имѣя въ виду, что Высочайше утвержденнымъ 6 декабря 1829 года положеніемъ дозволяется епархіальнымъ преосвященнымъ, въ случаѣ неимѣнія кандидатовъ священства, окончившихъ курсъ наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ, рукополагать во священники и не окончившихъ курса въ упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ, и что такое положеніе не отмѣнено ни Высочайше утвержденнымъ 16 апрѣля 1869 года журналомъ присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, ни послѣдующими узаконеніями, опредѣляетъ: объявить по духовному вѣдомству, чрезъ припечатаніе въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, что прописанный законъ 6 декабря 1829 года остается въ силѣ и въ настоящее время, и что епархіальные архіереи могутъ, по нуждѣ, рукополагать во священники и лицъ, не окончившихъ курса наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

—●— **Перемѣщеніе священниковъ.**—Архипастырскою Его Высокопреосвященства резолюціею 18 минувшаго іюня на представленіи преосвященнаго Модеста, Епископа Люблинскаго, настоятель пратулинскаго прихода Констангиновскаго благочинническаго округа священникъ Петръ *Компанскій*, согласно его прошенію, перемѣщенъ въ с. Вытычно I Влодавскаго округа, а на его мѣсто настоятелемъ Пратулинскаго прихода опредѣленъ помощникъ настоятеля Влодавскаго прихода священникъ Владиміръ *Дроздъ*.

—●— **Назначеніе на священническую вакансію.**—Архипастырскою Его Высокопреосвященства резолюціею 6-го іюля на открывшуюся въ с. Кошоплахъ I Бѣльскаго округа вакансію настоятеля прихода назначенъ окончившій курсъ наукъ въ Минской духовной семинаріи псаломщикъ Ново-Александрійской церкви Иванъ *Корженевскій*, а священникъ Іоаннъ Козакевичъ, согласно его прошенію, оставленъ на прежнемъ мѣстѣ помощникомъ настоятеля Бѣльскаго Собора.

—●— **Пожертвованіе пищацкихъ крестьянъ на благоустройство кладбища.**—Крестьяне Пищацкаго прихода I Бѣльскаго округа пожертвовали на устройство кладбищенской

ограды триста рублей и тѣмъ привели приходское кладбище въ благоприличное состояніе. Архипастырскою Его Высокопреосвященства резолюціею 28 минувшаго іюня на представленіи преосвященнаго Модеста крестьянамъ Пищацкаго прихода за ихъ пожертвованіе изъяслена Архипастырская признательность и преподано благословеніе Божіе.

—●— **Торжество 1-го іюня въ Радочницѣ.**—Въ Замостьскомъ уѣздѣ Люблинской губерніи среди православно-русскаго населенія находится лѣсное урочище Радочница, представляющее одну изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей. На вершинѣ заросшей лѣсомъ высокою горы, у подошвы которой на протяженіи версты бьетъ нѣсколько ключей, въ 1667 году Холмскимъ латинскимъ епископомъ Николаемъ Свирскимъ основанъ былъ бернардинскій монастырь съ обширнымъ костеломъ во имя Антонія Падуанскаго. Существованіе Радочницкаго монастыря, вызванное постояннымъ стремленіемъ польско-латинской пропаганды къ уничтоженію православной вѣры и русской народности, сопровождалось не возвратными потерями для русско-уніатскаго—нынѣ православнаго населенія, которое систематически совращаемо было въ латинство Радочницкими монахами. Подъ влияніемъ пропаганды окрестный народъ привыкъ собираться въ этотъ монастырь на торжества 1-го іюня и въ другіе дни. Участіе Радочницкихъ бернардиновъ въ польскомъ возстаніи 1863 года послужило справедливымъ поводомъ къ упраздненію монастыря. По распоряженію правительства, Радочницкій Бернардинскій монастырь въ 1869-мъ году закрытъ; главный костель его обращенъ въ уніатскую нынѣ православную церковь, которая по перестройкѣ въ 1880 году освящена во имя преподобнаго Антонія Печерскаго. Церковь эту, какъ не имѣющую собственныхъ прихожанъ и часто посѣщаемую богомольцами изъ окрестныхъ приходовъ, предположено Епархіальнымъ Начальствомъ обратить въ приходскую въ монастырскую съ тѣмъ, чтобы въ ней богослуженіе совершалось ежедневно, чтобы посѣтители во всякое время могли находить въ ней удовлетвореніе своимъ религіознымъ потребностямъ. А пока это предположеніе приведено будетъ въ исполненіе, признано нужнымъ по временамъ совершать въ Радочницѣ торжественное богослуженіе съ крестными ходами изъ ближайшихъ селъ. Такое богослуженіе совершено было тамъ 1-го іюня преосвященнымъ Модестомъ Епископомъ Люблинскимъ въ сослуженіи окрестнаго духовенства. 30 мая въ 11 часовъ вечера преосвященный Модестъ прибылъ въ Радочницу, гдѣ встрѣченъ былъ двумя іеромонахами и бывшимъ настоятелемъ Радочницкой церкви священникомъ Антоніемъ Драчинскимъ. 31 мая съ 12-ти часовъ дня начали стекаться богомольцы изъ Бѣлгорайскаго, замостьскаго и Томашовскаго уѣздовъ къ архіерейскому богослуженію 1-го іюня. Въ половинѣ 7 часа вечеромъ начато всенощное бдѣніе. Передъ литіею раздался звонъ во все колокола, извѣщавшій о приближеніи двухъ крестныхъ ходовъ съ 500,—человѣкъ одного изъ Бѣлгорайскаго благочинія, а другаго изъ Люблинскаго. Преосвященный Модестъ въ сопровожденіи 10 священниковъ вышелъ на погостъ церковный, гдѣ были встрѣчены прибывшіе крестные ходы каженіемъ и окропленіемъ священою водою. Во время утрени, когда весь народъ собрался въ церкви, благочиннымъ люблинскаго округа священникомъ Скробанскимъ произнесена была проповѣдь о преданности греко-славянскому обряду. Послѣ утрени преосвященный Модестъ отпразднелся съ крестнымъ ходомъ на церковный погостъ, гдѣ у древняго креста чтимаго пародамъ отслужено молебствіе съ чтеніемъ евангелія, которое народъ слушалъ преклонивъ главы и за тѣмъ съ благоговѣніемъ прикладывался къ святому евангелію. Послѣ молебствія крестный ходъ возвратился въ

церковь, и по прочтеніи перваго часа съ пѣніемъ молитвы „Подъ Твою милость“ богомольцы получивъ благословеніе, разошлись на ночлегъ. Во время совершенія всеобщаго бдѣнія и по окончаніи онаго многіе богомольцы исповѣдывались.

1-го іюня въ 6½ часовъ утра начался благовѣсть къ ранней литургіи, которая была совершена въ малой церкви надъ источникомъ. На этой литургіи удостоены причастія Св. Таинъ 150 человекъ. Исповѣдь богомольцевъ, начавшаяся съ 3 часовъ утра, продолжалась и во время архіерейскаго священнослуженія. Число исповѣдывавшихся и причащавшихся было весьма велико. Къ архіерейскому богослуженію 1-го іюня прибыли въ Радочницу изъ приходовъ Терешпольскаго, Щебрешинскаго и Топольчанскаго Крестные ходы, которые встрѣчены были выше указаннымъ порядкомъ. Литургія совершена преосвященнымъ Модестомъ въ сослуженіи двухъ протоіереевъ и двухъ священниковъ. Архіерейское богослуженіе съ пѣніемъ по древнему напѣву замѣтно располагало богомольцевъ къ молитвѣ, а проповѣдь настоятеля Щебрешинской церкви священника Тимофея *Трача* вызвала у нихъ слезы умиленія. По окончаніи литургіи преосвященный Модестъ сказалъ поучительное слово, въ которомъ убѣждалъ слушателей крѣпко держаться православія. Затѣмъ при участіи 26 священниковъ, въ присутствіи около 2000 народа, преосвященный Модестъ совершилъ крестный ходъ для освященія воды на источникѣ при часовнѣ. По освященіи воды народъ стремительно бросился почерпать оную а крестный ходъ возвратился въ церковь, гдѣ провозгласено многолѣтіе и за тѣмъ совершено благословеніе и окропленіе народа св. водою; наконецъ послѣдовала раздача иконъ, книгъ и брошюръ религіознаго содержанія.

—●— **Пожертвованія въ пользу Кобловской церкви.** Староста Кобловской Свято-Димитріевской церкви, приписной къ Копыловскому приходу I Грубешовскаго округа, Антоній *Семичукъ*, пожертвовалъ въ свою церковь дарохранительницу цѣною въ 40 рублей; другіе же Кобловскіе прихожане обмѣняли старый разбившійся колоколъ на новый съ доплатою 25-ти рублей по добровольному соглашенію. Резолюціею преосвященнаго Модеста Епископа Люблинскаго 5-го Іюня жертвователямъ преподано благословеніе Божіе.

—●— **Утвержденіе въ должности церковнаго старосты.** Избранный прихожанами Прагской Таможенной церкви, съ согласія причта, въ должность церковнаго старосты папгаузный надзиратель Прагской таможни Эрастъ Васильевичъ *Ачарковъ*, резолюціею преосвященнаго Модеста Епископа Люблинскаго 27 минувшаго Іюня утвержденъ въ означенной должности на первое трехлѣтіе.

—●— **Утрата священническихъ грамотъ.** По распоряженію Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Начальства, объявляется духовенству Холмско-Варшавской Епархіи объ утратѣ священническихъ грамотъ умершихъ настоятелей: Потуржинскаго прихода протоіерей Северіянъ *Уллишукъ* и Раколупскаго прихода протоіерей Ипполитъ *Кринишукъ*, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ отысканія означенныхъ грамотъ, таковыя присланы были въ Холмско-Варшавскую Духовную Консисторію.

—●— **О выпискѣ „Круга церковныхъ пѣснопѣній“.** Предсѣдатель Совѣта Общества Любителей церковнаго пѣнія преосвященный Амвросій Епископъ Дмитровскій, викарій Московскаго Епархіи, отношеніемъ отъ 19 мая сего года увѣдомилъ Его Высокопреосвященство о выходѣ въ свѣтъ второй части „Круга церковныхъ пѣснопѣній“ издаваемаго Обществомъ Любителей церковнаго пѣнія въ Москвѣ. Пер-

вая часть тогоже „Круга“ издана въ прошломъ 1881 году; о побужденіяхъ къ сему изданію и о программѣ онаго напечатано въ № 19 X В. Епархіальнаго Вѣстника за тотъ же 1881 годъ. По справкѣ съ дѣломъ Консисторіи оказалось, что первая часть „Круга церковныхъ пѣснопѣній“ выписана чрезъ Консисторію въ числѣ 21 экземпляра для древле-православныхъ церквей и чрезъ Холмское духовное правленіе въ числѣ 269 экземпляровъ для возсоединенныхъ церквей Епархіи. Соответственно съ тѣмъ и во исполненіе Архипастырской Его Высокопреосвященства резолюціи на отношеніи преосвященнаго Амвросія, Холмско-Варшавская Духовная Консисторія отнеслась въ Совѣтъ Общества Любителей церковнаго пѣнія съ просьбою о высылкѣ 21 экземпляра второй части „Круга церковныхъ пѣснопѣній“ въ Консисторію и 269 экземпляровъ въ Холмское духовное правленіе для разсылки по церквамъ снабженнымъ первою частью „Круга“. Относительно же церквей, еще не снабженныхъ означеннымъ „Кругомъ“, Епархіальнымъ Начальствомъ постановлено: Предложить, чрезъ X. В. Епархіальный Вѣстникъ, настоятелямъ тѣхъ церквей X. В. Епархіи, которыя еще не снабжены „Кругомъ церковныхъ пѣснопѣній“, чтобы они-настоятели озаботились выпискою первой и второй части „Круга“ прямо отъ себя, обращаясь въ канцелярію Совѣта Общества Любителей церковнаго пѣнія въ Москвѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ, съ приложеніемъ 2 рублей 60 копѣекъ за обѣ части.

—●— **Увольненіе за штатъ священника и назначеніе на его мѣсто другаго.** Архипастырскою Его Высокопреосвященства резолюціею 18 минувшаго Іюня, настоятель Иоанно-Богословской церкви въ с. Снятычахъ I Томашовскаго округа священникъ Юліанъ Хрущевичъ, согласно его прошенію уволенъ за штатъ, а мѣсто его представлено сыну его священнику Іоанну Хрущевичу.

ОТДѢЛЪ II.

Западно-русская церковная унія въ ея полемической письменности и литературѣ.

(Продолженіе)*.

Частная полемика, вызванная фактомъ Брестской унии: Посланіе alexандрійскаго патріарха Мелетія къ князю Константину Острожскому и прочимъ православнымъ Западной Руси; Письмо И. Поцья къ тому-же князю и отвѣтъ на это письмо клирика Острожскаго; Посланіе alexандрійскаго патріарха Мелетія къ И. Поцью и отвѣтъ на это посланіе Поцья. Poleмика по вопросу о флорентійской унии.

Одновременно съ разсмотрѣнной полемикой по тѣмъ же вопросамъ шла полемика частная, выражавшаяся въ перепискѣ отдѣльныхъ лицъ. Переписка эта, замѣняя собою нашу газетную и журнальную печать, была въ

*) См. №№ 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12 и 13 X.-В. Е. Вѣстника.

свое время почти единственнымъ средствомъ къ обмѣну мыслей по тѣмъ или другимъ общественнымъ вопросамъ и поэтому къ ней охотно прибѣгали всѣ выдающіеся современныя дѣятели. Хотя письма и посланія этого рода отправлялись въ большинствѣ случаевъ по частнымъ адресамъ, но они нерѣдко носятъ на себѣ всѣ признаки настоящихъ полемическихъ сочиненій и поэтому заинтересованныя лица, на сколько оказывалось возможнымъ, всегда старались предавать ихъ гласности чрезъ напечатаніе, примѣръ чего видимъ въ Апокрисисѣ Хр. Филалета. Въ нашу задачу, конечно, не можетъ входить полный обзоръ переписки, вызванной фактомъ брестской уніи. Мы остановимся только на тѣхъ доступныхъ намъ ея памятникахъ, которые отличаются богословско-полемическимъ характеромъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего заслуживаетъ вниманія „Посланіе Мелетія патріарха александрійскаго къ всеславному и великолѣпному, благочестивому и православному государю и владыцѣ Острожскому, воеводѣ кievскому, всесвѣтлому княжати Василию и инымъ православнымъ и великимъ княжатамъ, милостивымъ панамъ всей малой Россіи. Благовѣрнымъ же священникамъ и всѣмъ христіанскимъ людямъ во всемъ томъ началѣ обрѣтающимся, сыномъ о господѣ возлюбленнымъ“¹⁾. Поводомъ къ написанію этого посланія послужилъ распространившійся на дальнемъ востокѣ слухъ о принятіи въ Римѣ нѣкоторыми православными западно-русскими владыками уніи. Слухъ этотъ дошелъ до Александріи, вѣроятно, черезъ Константинополь, куда, по словамъ Еклезіасты, отправлено было много писемъ, въ которыхъ многіе русскіе люди просили патріарха прислать имъ на помощь кого либо изъ ученыхъ людей²⁾. Просьба эта, какъ извѣстно, была услышана и въ Россію отправлены были два протосинкелла: константинопольской церкви Ниффоръ и александрійской — Кириллъ Лукарисъ. Недовольствуясь отправленіемъ своего уполномоченнаго, Мелетій написалъ еще вышеуказанное посланіе, помѣченное датой отъ 1 августа 1596 года. Выразивъ глубокое сожалѣніе о томъ, что „нѣкоторые изъ святительствующихъ“ на Русѣ, „возлюбивъ славу человѣческую болѣе, чѣмъ славу Божию, сами добровольно пошли на путь широкій и просторный“ и воздавъ похвалу тѣмъ, которые сумѣли „среди такой бури устоять безстрашно“, Мелетій въ этомъ посланіи коротко, но сильно опровергаетъ ученіе римской церкви о главенствѣ папы: выяснивъ истинный смыслъ 18 и 19 стиховъ XVI главы евангелія отъ Маттея, на которые латиняне обыкновенно ссылаются при обоснованіи этого своего ученія, онъ констатируетъ извѣстный въ исторіи случай, когда папа Зосимъ, по случаю апелліаціи въ Римъ низло-

женнаго на карфагенскомъ соборѣ 419 года пресвитера Аппіарія, чтобы оправдать свое вмѣшательство въ церковныя дѣла Африки, сослался на правила Сардинійскаго собора, выдавъ ихъ за правила собора Никейскаго. Упомянувъ, далѣе, мимоходомъ о совершеніи латинянами евхаристіи на опрѣснокахъ, о причащеніи мірянъ подъ однимъ видомъ и объ искаженіи римскою церковью ученія объ исхожденіи Св. Духа, онъ защищаетъ православныхъ отъ упрека со стороны латинянъ въ бѣдственномъ положеніи Грековъ подъ властью турокъ и, наконецъ, осуждаетъ введеніе новаго календаря. Въ заключеніе авторъ приглашаетъ отступниковъ покаяться и возвратиться въ лоно православной церкви; а въ случаѣ ихъ пераскаянности, даетъ православнымъ советъ избрать себѣ новаго митрополита и епископовъ.

Мелетій трудился не напрасно. Князь Острожскій не только остался вѣрнымъ православію, но и открыто объявилъ себя врагомъ уніи. Этотъ фактъ не могъ не смущать уніатовъ. Константинъ Острожскій составлялъ въ Польшѣ немалую нравственно-политическую силу и поэтому склонить его на свою сторону было весьма желательно для сторонниковъ уніи. И вотъ главный предводитель уніатской партіи, Ипатій Подѣя, пишетъ князю письмо (1598 г.), въ которомъ, воспѣвъ панягиріевъ уніи, какъ дѣлу весьма любезному Богу, доказываетъ, что унія между Греками и Римлянами — не новость, что на нѣкоторыхъ греческихъ островахъ и въ настоящее время Греки находятся въ единеніи съ римлянами и даже совершаютъ совместно богослуженіе и поэтому советуетъ князю непременно приступить къ уніи и лично-ли, или чрезъ пословъ испросить благословеніе у папы. Князь не нашелъ нужнымъ лично отвѣчать на это посланіе, а поручилъ это сдѣлать одному острожскому клирику, который отвѣтилъ цѣлымъ полемическимъ сочиненіемъ, выпущеннымъ подъ заглавіемъ: „Отвѣтъ на письмо, которое писалъ священный Ипатій, епископъ владимірскій и брестскій, въ 1598 году къ его милости — князю Константину Острожскому, воеводѣ кievскому и въ которомъ одобрялъ и восхвалялъ унію или согласіе восточной церкви съ западною. Составленъ въ томъ же году нижайшимъ клирикомъ Острожскимъ“¹⁾. — Направляя мысль противъ письма Поцѣя, авторъ доказываетъ, что врагъ человѣческаго рода, зорко слѣдя за слабостями людей и пользуясь ими для своихъ цѣлей, нерѣдко самыя благія намѣренія направляетъ ко злу. Вотъ почему и согласіе между людьми, какъ ни хорошо оно само по себѣ, не всегда пріятно бываетъ Богу; напротивъ, если оно достигается противъ воли Божіей, оно вредно и, вообще, всякое даже „доброе дѣло, если оно совершается не по волѣ Божіей, бываетъ непріятно и противно волѣ Божіей“. Съ другой стороны, бываютъ случаи вражды и несогласія вполне пріятны Богу. А что брестская унія не можетъ быть пріятна Богу, это авторъ дока-

¹⁾ Посланіе это впервые напечатано было въ Апокрисисѣ Хр. Филалета, а въ настоящее время издано при кievскомъ изданіи Апокрисиса 1870 г., а также въ книгѣ Малышевскаго: Александр. Патр. Мел. Писанъ, II, приложение I, № 16, стр. 28—44.

²⁾ Ekthesis. Przedmowa.

¹⁾ Отвѣтъ напечатанъ при кievскомъ изданіи Апокрисиса.

зываетъ на основаніи ея слѣдствій. „Что надѣлали вы съ своимъ согласіемъ, достойнымъ плача и рыданія?“ обращается онъ съ упрекомъ къ уніятамъ. „Нѣтъ такого города, нѣтъ такого селенія, гдѣ бы вы не наполнили плачемъ, рыданіемъ, стenanіемъ, воплями и слезами людей, держащихся отеческаго преданія и вѣры, и ихъ души... Вы поссорили свѣтъ, смуглили людей, изсушили взаимную любовь въ людяхъ; произвели раздоръ между родителями, между братомъ и братомъ, возбудили одного противъ другаго, уничтожили духъ братства, прогнали пріязнь, ввели ссору... Вы поссорили господина съ крестьянами, привели въ сомнѣніе и взаимное недовѣріе монарховъ, королей, знатныхъ и духовныхъ. Вы потеряли совѣсть, преступили клятву, обманули папу, не исполнили даннаго ему слова, присягали за всѣхъ насъ, отправляли отъ насъ посольство, о которомъ мы не думали; показывали наши письма, о которыхъ намъ и не снилось“¹⁾... Коснувшись, затѣмъ, коротко другихъ вышенамѣченныхъ пунктовъ письма Поцѣя, елирикъ разбираетъ ходячіе доводы латинянъ въ пользу главенства папы, и въ заключеніе обращается къ Богу съ молитвой объ истинной уніи.—Отвѣтъ написанъ живымъ, бойкимъ языкомъ, и обличаетъ въ авторѣ хорошее знакомство съ священнымъ писаніемъ.

Отвѣтъ клирика не привелъ Поцѣя къ сознанию своихъ заблужденій и предчувствіе Мелетія сбылось: разрѣшившись измѣнить православію, онъ остался вѣренъ себѣ до конца. И вотъ, когда возвратившійся изъ Россіи Кириллъ Лукарисъ передалъ Мелетію о такомъ упорствѣ Поцѣя, святитель рѣшился писать къ нему лично: изъ этого посланія²⁾, помѣченнаго датой, отъ 15-го октября 1599 года, видно, что Кириллъ доставилъ патриарху самыя разностороннія свѣдѣнія о личности Поцѣя и его дѣятельности. Выдавая его за „человѣка ученаго и способнаго достойно проходить должность епископа“, Кириллъ не преминулъ познакомить Мелетія и съ отрица-

тельными сторонами его нравственной личности. Въ одномъ мѣстѣ посланія читаемъ: передаютъ, что „причиною отступничества были обличенія совѣсти въ какихъ нибудь преступленіяхъ, ибо такъ говорятъ о васъ (скажу тебѣ откровенно), отдѣлившись отъ насъ, и что именно ты сдѣлался отступникомъ для того, чтобы избѣжать строгаго суда восточной церкви, желая у другихъ заслужить себѣ отступничествомъ милостивое снисхожденіе и такимъ образомъ избѣжать наказанія за преступленіе“. Мнѣніе, что перешедшій на сторону уніи лица руководствовались въ своихъ поступкахъ не совсѣмъ чистыми побужденіями, было въ свое время общераспространеннымъ между западно-руссами. Но восточный святитель какъ будто не вѣритъ этому. Мелетій скорѣе склоненъ думать, что Поцѣй „введенъ былъ въ заблужденіе хитросплетеніями схоластическаго богословія“ и что „къ такому поступку привели его сомнѣнія относительно нѣкоторыхъ неразъясненныхъ вопросовъ, а также хитростное и живое философское ученіе“, поэтому онъ считаетъ нужнымъ разъяснить тѣ сомнительные вопросы, и опровергнуть тѣ ложныя мнѣнія, которыя не только Поцѣя прельстили, но и для каждаго могутъ быть причиною заблужденія“. Главнѣйшихъ вопросовъ онъ указываетъ два; первый имѣетъ своимъ предметомъ ученіе о символѣ вѣры и въ частности—объ исхожденіи Св. Духа, второй—ученіе о таинствѣ евхаристіи. Въ посланіи сначала коротко доказывается истинность православнаго ученія о причащеніи мірянъ подъ обоими видами и совершеніи таинства евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ, а затѣмъ авторъ переходитъ къ обстоятельному изслѣдованію вопроса объ исхожденіи Св. Духа. Указавъ предварительно на необходимость различать въ священномъ писаніи тѣ мѣста, въ которыхъ говорится „о временномъ посольствѣ и пришествіи въ міръ (Св. Духа), — въ каковомъ смыслѣ Духъ св. посылается какъ отъ Отца и Сына, такъ и отъ самаго себя“, — отъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ заключается ученіе о „вѣчномъ и соприсущномъ исхожденіи“ отъ одного Отца, авторъ на основаніи мнѣній сначала восточныхъ, а потомъ западныхъ Отцевъ церкви доказываетъ, что *изводитъ* — есть личное свойство Отца и поэтому никакимъ образомъ не должно быть приписываемо Сыну и что ученіемъ объ исхожденіи Св. Духа *и отъ сына* пзвращаются истины, „что одно есть начало Божества, что личныя свойства несообщимы, что вводитъ два начала — мысль еретическая, что лица пресвятой Троицы не должны быть смѣшиваемы“. — Въ уклоненіи отъ указанныхъ пунктовъ въ ученіи церкви авторъ посланія видитъ „причину всего злаго, потрясеній и возмущеній во всемъ христіанскомъ мірѣ“. А такъ какъ все это было результатомъ чрезмѣрнаго развитія въ римскомъ епископѣ „честолюбія и ненасытимой жажды славы, притязаній къ господству и власти“, то авторъ и обращается къ папѣ съ упрекомъ, признавая его вмѣстѣ съ тѣмъ виновникомъ страданій восточной церкви и разнаго рода нестроеній на западѣ, имѣвшихъ слѣдствіемъ образованіе протестантскихъ сектъ, и

¹⁾ Апокрисисъ Хр. Филалета. Кіевъ 1870 года, стр. 345 и 346.

²⁾ Мы пользовались польскимъ изданіемъ этого посланія, напечатаннымъ въ качествѣ приложения къ сборнику: Kazania y Homilie meża Bozego nieśmiertelney slawy, y pamieci Hiraeyusza Pocięia Metropolity kiowskiego, halickiego, y całej Rusi, Biskupa Włodzimierskiego y Brzeskiego. Z listem Melecjusza Patryarchy Alexandryjskiego, a responsem Hiraeyusza. Przez Leona Kiszkę z ruskiego ęczyka na polski przetłumaczone y światu ogłoszone roku pańskiego 1714. Typis Supraslensis PP. Basilianorum. Экземпляръ этого изданія есть въ варшавской публичной библиотекѣ. Кроме того извѣстны еще два изданія этого сборника: Suprasl 1674 года и Poczajow 1788 года. Посланіе Мелетія также напечатано въ приложеніи къ II т. вышеупомянутаго сочиненія г. Малышевскаго. Въ библиотекѣ холмской духовной семинаріи есть списокъ этого посланія, сдѣланный собственноручно б. ректоромъ семинаріи, прот. Криницкимъ. Текстъ этой рукописи, по свидѣтельству б. инспектора той же семинаріи, свящ. Семеновича, заключаетъ въ себѣ признаки стариннаго польскаго языка

въ заключеніе предлагаетъ отказаться отъ своихъ новшествъ и вступить въ единеніе съ восточною церковью. Затѣмъ Мелетій опять обращается къ Поцѣю, указывая на несостоятельность идеи всемірнаго главенства папы, вводящей въ церковь произволь и посягающей на авторитетъ вселенскихъ соборовъ, обращаетъ вниманіе на „раздоръ и смуты“, внесенные въ церковь отступничествомъ, предлагаетъ подумать о томъ новомъ неестественномъ положеніи, въ какомъ оказался отступникъ — Поцѣй, съ одной стороны, въ отношеніи къ своей православной паствѣ, съ другой — къ самой римской церкви, признающей уніатовъ „на половину чужими“, и, въ заключеніе, совѣтуетъ ему опять возвратиться въ лоно православной церкви. Посланіе оканчивается слѣдующими трогательными словами: „прошу тебя, прійми благосклонно это посланіе наше, которое мы съвозъ слезы и дрожащей рукой тебѣ написали, рукой, которою мы при сѣдинахъ нашихъ и въ изнеможеніи отъ бѣдствій и непомѣрныхъ трудовъ едва владѣемъ, однако написали тебѣ съ сердечной благожелательностію и пламенною любовью“...

Въ этомъ посланіи патриарха есть и твердыя основанія, покоящаяся на несомнѣнныхъ фактическихъ данныхъ, и здравая логика, растворенная христіанскою любовью, искренностію и сердечною теплотою, словомъ, здѣсь есть все, что дѣлаетъ человѣческое слово убѣдительною, но тѣмъ не менѣе Поцѣй, какъ извѣстно, остался необуѣжденнымъ. И это совершенно понятно. Неисканіе истины привело его къ уніи съ Римомъ, поэтому и неразоблаченіе заблужденій могло возвратитъ его въ лоно православной церкви. Если бы вмѣсто всѣхъ этихъ глубокомысленныхъ разсужденій, выдержекъ изъ священнаго писанія и отцевъ церкви, Мелетій помѣстилъ въ своемъ посланіи дарственную грамоту на какое нибудь крупное имѣніе или королевскій декретъ на право занятія кресла въ сенатѣ, или что нибудь другое въ этомъ родѣ, то, безъ сомнѣнія, посланіе имѣло-бы другой успѣхъ. Но патриархъ не могъ этого сдѣлать и поэтому посланіе не произвело на Поцѣя ни малѣйшаго впечатлѣнія. Въ его отвѣтѣ на это посланіе не видно и тѣни колебанія; рѣчь отвѣта звучитъ тономъ, какимъ говорятъ люди убѣжденные въ правотѣ своихъ дѣйствій, разъ на всегда покончившіе съ интересовавшимся ихъ вопросомъ. *Отвѣтъ* этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Здѣсь самый видный изъ уніатскихъ дѣятелей представляетъ данныя въ оправданіе своего перехода на сторону Рима. Такъ какъ нѣтъ основанія сомнѣваться ни въ умѣннн, ни въ желаніи Поцѣя оправдать себя, то на его отвѣтъ въ данномъ случаѣ можно смотрѣть какъ на послѣднее слово въ своемъ родѣ¹⁾. Чѣмъ же оправдыва-

етъ Поцѣй свой переходъ на сторону уніи? Выказавъ въ началѣ посланія сожалѣніе о томъ, что далекое отстояніе Египта отъ Польши, дурныя дороги и нѣкоторые другія препятствія не позволяютъ ему лично бѣсѣдовать съ Мелетіемъ, принявъ стыдливо, съ румянцемъ на щекахъ, высказанную патриархомъ со словъ Кирилла похвалу его учености и способности достойно занимать епископскую кафедру, Поцѣй переходитъ къ указанію причинъ, заставившихъ его отшатнуться отъ восточной церкви и перейти на сторону западной. Главнѣйшимъ побужденіемъ къ такому дѣйствію, по его увѣренію, послужило якобы исканіе истинной мудрости, которая изсякла на востокѣ. Объяснивъ, что онъ понимаетъ подъ истинною мудростію, Поцѣй продолжаетъ: „этой-то мудрости искалъ народъ русскій въ странахъ греческихъ, но не нашель ея тамъ; напрасно онъ мчался въ мудрыя Аѳины, гдѣ не нашель болѣе остроумныхъ Ликиніевъ, не нашель бывшихъ тамъ нѣкогда свѣтилъ восточной церкви Василія и Григорія Назіанзина, а напротивъ, съ болью сердца увидѣлъ тамъ только развалины нѣкогда цвѣтущихъ школъ; справлялся объ Аѳанасіи въ Александріи, объ Іоаннѣ Златоустѣ въ Константинополѣ, о Кириллѣ въ Іерусалимѣ, но вмѣсто боголюбивыхъ отцевъ, переселившихся въ вѣчность, нашель въ Александріи Кальвина, въ Іерусалимѣ — Цвинглія и съ глубокимъ сожалѣніемъ надъ паденіемъ Греціи отвернулся отъ нея, чтобы не заразиться опасною ересью; когда же обратился на западъ, то нашель тамъ источникъ жизни, ключъ живой истинной вѣры, безупречное духовное управленіе, безпрекословную подчиненность, неспорченную чистоту нравовъ. Словомъ, Поцѣй пришелъ къ заключенію, что „Греческій берегъ не можетъ быть хорошимъ путемъ къ вѣчной жизни и я, — заявляетъ онъ, — не хочу забрасывать на немъ якоря своей надежды; евангеліе у Грековъ искажено и я не хочу вѣровать въ него; святость на востокѣ исчезла, потому что здѣсь нѣтъ (правильнаго) обряда, и я нехочу быть соучастникомъ грековъ. Преданія отцевъ поруганы на востокѣ, тѣла святыхъ угодниковъ отсюда перенесены въ Римъ, поэтому и я желаю умереть вблизи св. отцевъ, къ чему я сложенъ не силлогизмами, но очевидностію самой правды.“ Въ своихъ нападкахъ на Грековъ Поцѣй по мѣстамъ до того увлекается, что начинаетъ говорить непростительную глупость: „я, замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, земнымъ поклономъ преклоняюсь предъ опредѣленіями вселенскихъ соборовъ, но не любопытствую чрезъ мѣру, что написано въ нихъ рукою предвѣчнаго Бога и преподано устами отцевъ греческой церкви, такъ какъ лживость приписывается грекамъ, а не римлянамъ“... Вотъ почему Поцѣй „убѣжалъ отъ пышныхъ и роскошныхъ столицъ востока и присталъ съ вѣренными ему овцами къ смиренной столицѣ запада и, удержавъ такимъ образомъ вѣру отцевъ, не сомнѣнно убѣдился, что въ Гре-

¹⁾ Отвѣтъ этотъ напечатанъ въ томъ же сборникѣ повѣдей Поцѣя (стр. 528 — 612) подъ заглавіемъ: *Responsus Hipacyusza Pocięia, Metropolity całej Rusi, Biskupa Włodzimierskiego u Brzeskiego, na list Melecycusza Patriarchy Alexandryjskiego*. См. также: *Obrońca wiary św. katolickiej*

Hipacyusz Pocięj, metropolita całej Rusi, zbijający błędy Melecycusza Patriarchy Alexandryjskiego (Suprasl 1768 r.)

ции древня постановленія нарушены и вѣра истреблена“. И разъ сдѣлавъ этотъ рѣшительный шагъ, онъ „не намѣренъ больше поклонять своихъ ушей къ Александрии, простирать рукъ къ Иерусалиму и искать свѣта въ Константинополѣ, ибо онъ сталъ твердою ногою на скалѣ, нашелъ свѣтъ во всемирномъ пастырѣ, Климентѣ VIII и въ немъ увидѣлъ Петра“; словомъ, онъ „навсегда отвернулся отъ востока, бросивъ грекамъ вавилонскую блудницу“. Въ этомъ своемъ переходѣ на сторону Рима онъ видитъ фактъ аналогичный съ обращеніемъ ап. Павла. Хотя, замѣчаетъ онъ, „возрожденіемъ духовнымъ и возродился по обряду восточной церкви, но это возрожденіе не было небеснымъ; воспитала меня церковь греческая, но вскормила не молокомъ спасительнаго ученія, а ядомъ, изготовленнымъ въ адѣ; рукоположенъ я въ той же церкви, но возложившій на меня руку былъ тотъ, который наложилъ свою святотатственную руку на Петра и на Христа. Я справедливо могу сказать съ ап. Павломъ: вы слышали о моемъ прежнемъ образѣ жизни, что я жестоко гналъ церковь Божию и опустошалъ ее и преслѣдовалъ въ отщепенствѣ болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ моемъ, будучи неумѣреннымъ ревнителемъ моихъ отеческихъ преданій“. —Послѣ этихъ обихъ, такъ сказать, мѣстъ, въ отвѣтѣ слѣдуетъ длинное разсужденіе, посвященное главнымъ образомъ тремъ вопросамъ: о совершении евхаристіи и формѣ пріобщенія мірянъ, объ исхожденіи Св. Духа и о главенствѣ папы. Хотя этимъ вопросамъ посвящено четыре пятыхъ всего довольно объемистаго отвѣта, тѣмъ не менѣе въ немъ ничего нельзя отыскать такого, о чемъ на тысячу ладовъ не толковалось-бы въ сочиненіяхъ латинскихъ полемистовъ. Впрочемъ, здѣсь иногда попадаются такая аргументація, за которую какойнибудь „магистръ сентенцій“ не похвалилъ-бы Поцѣя. Вотъ наприимѣръ, какой доводъ приводитъ онъ въ подтвержденіе той мысли, что Господь Тайнство причащенія для мірянъ установилъ будто-бы подъ однимъ видомъ: „я признаю, говоритъ онъ, что Христосъ на тайной вечерѣ благословилъ хлѣбъ и вино, и преподалъ ученикамъ своимъ подъ этими видами тѣло и кровь свою, но преподать не всѣмъ, какъ вы утверждаете: именно, не преподать бывшимъ тамъ прочимъ послѣдователямъ своимъ. Были тамъ Марія Мгдалина и мать Иисусова и всѣ 70 учениковъ, которые, однакожъ, не сподобились пріобщенія тѣла и крови; сама Мать Божія не коснулась чаши святой, ибо знала то, чего не знаетъ Греція, а именно, что слово „всѣ“ относится только къ апостоламъ и ихъ преемникамъ священникамъ, а не ко всѣмъ вѣрующимъ христіанамъ“... Вѣроятно, потому, что евангеліе написано на востокѣ, уніатскій митрополитъ „нелюбопытствовалъ чрезъ мѣру, что въ немъ написано“, иначе онъ не могъ-бы не замѣтить тамъ прямого свидѣтельства о томъ, что І. Христосъ пришелъ въ горницу, въ которой надлежало совершить послѣднюю пасху, только, съ двѣнадцатью“ учениками (Лук. г. 14, ст. 17). —Такова сила той аргументаціи, на которой Поцѣй строитъ

оправданіе своего перехода въ унію. Но если во всѣхъ этихъ мудрствованіяхъ его ничего больше нельзя отыскать, кромѣ набора звонкихъ фразъ, плохо скрывающихъ непосредственно очевидную ложь, то тѣ мѣста „отвѣта, въ которыхъ онъ касается личности Мелетія поражаютъ своею низкою пошлостію, способною оскорбить всякое благородное чувство. Въ посланіи почтеннаго старца высказано столько смиренія, искренности, сердечности и самаго высокаго благородства, что рѣшиться на оскорбленіе такой личности могъ только человѣкъ глубоко нравственно испорченный. А между тѣмъ въ отвѣтѣ Поцѣя сплошь и рядомъ попадаются мѣста, имѣющія прямою цѣлью оскорбить святителя. Сравните, наприимѣръ, вышеприведенную глубокопрочувствованную тираду изъ конца посланія Мелетія съ слѣдующимъ отвѣтомъ на нее Поцѣя: дѣйствуй, язвительно обращается онъ къ патриарху, въ отдаленной Индіи и Ливіи, въ страшной по одному имени своему Эѳіопіи и плодородномъ Египтѣ, — въ краяхъ, на которые безъ пользы простирается власть Александрійскаго патриарха, такъ какъ магометанская секта поглотила все, оставляя Вашей милости весьма скудную и ничтожную паству. Тамъ поусердствуй, тамъ вздыхай и созидай церковь, а чужую землю оставь въ покоѣ, не орошай слезами пиву, которую Петръ воздѣлалъ, потому что слезы грековъ, орошая землю русскую, производятъ терніе и волчцы.“ Или, воспользовавшись тѣмъ фактомъ, что Мелетій учился въ протестантскомъ городѣ Аугсбургѣ, Поцѣй съ эхидствомъ замѣчаетъ: „несчастный востокъ, который сыновъ своихъ, вскормленныхъ въ еретическихъ академіяхъ, ставитъ на престолахъ своихъ, чтобы, напоившись нечестивымъ ученіемъ Лютера, кормили онымъ испуленную кровію Господа паству свою. Не можешь, Ваша милость, открыть истину, потому что ты искалъ ее въ молодости въ еретическомъ Аугсбургѣ“. О, пастырь Аугсбургскій! восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Ты смѣшалъ съ молокомъ правовѣрныхъ отцевъ греческихъ желчь Лютера, муро Кальвина и ядъ Цвинглія“ и пр. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Поцѣй менѣе когонибудь другаго вѣрилъ въ справедливость этихъ словъ. Наборъ этихъ звонкихъ, но пустыхъ фразъ, очевидно, разсчитанъ былъ единственно на оскорбленіе патриарха.

Но въ то время какъ происходила ожесточенная полемика по вопросу о брестской уніи и ея ближайшихъ слѣдствіяхъ, у неугомонныхъ защитниковъ папизма созрѣлъ новый планъ борьбы.

Имѣемъ въ виду уже указанную понятыю уніатовъ отыскать новое основаніе, которое можно было-бы поставить базисомъ аргументаціи въ дальнѣйшемъ спорѣ съ православными. Мы уже видѣли, что еще до брестской уніи латиняне, потерявъ надежду повліять на умы православныхъ путемъ разоблаченія недостатковъ въ жизни православной церкви, отчасти сознавали потребность перенести центръ тяжести въ своей аргументаціи въ исторію, мотивируя это тѣмъ соображеніемъ, что ру-

ины ссылаются на своихъ отцовъ и древность своего православія. Теперь же, — когда и возлагавшіяся на брестскую унію надежды тоже не оправдались, по крайней мѣрѣ въ желанной степени, — стало уже непосредственно очевиднымъ, что ничѣмъ настоящимъ нельзя разрушить вѣры православныхъ въ правоту своего поведения, имѣвшаго за себя древность преданія, и что если и можно было чѣмъ-нибудь поколебать ихъ стойкость, такъ это развѣ отнятіемъ у нихъ этого преданія: нужно было убѣдить ихъ, что брестская унія сильна не своею собственною силою, а что она есть лишь простое возобновленіе старины. Такая постановка вопроса, конечно, не была чѣмъ-нибудь совершенно новымъ, чего-бы совершенно не было въ предыдущей полемикѣ; но дѣло въ томъ, что выдвинутый теперь на первый планъ вопросъ, до этого времени, въ системѣ доказательствъ, всегда фигурировалъ на второмъ планѣ: именно, центромъ вниманія борющихся сторонъ теперь становится флорентійскій соборъ съ его послѣдствіями. Такому обороту дѣлъ много помогало еще слѣдующее обстоятельство. Съ тѣхъ поръ, какъ латинянамъ удалось положить основаніе уніатской церкви, главныя заботы какъ о ея поддержаніи, такъ и о дальнѣйшемъ распространеніи, естественно, уже должны были принять на себя ея представители. А между тѣмъ представителями уніатской церкви теперь были тѣ самыя лица, по инициативѣ которыхъ совершился самый фактъ уніи и на которыхъ, слѣдовательно, по мнѣнію православныхъ, падала вся тяжесть отвѣтственности за происшедшее отступничество отъ вѣры предковъ, отъ древняго преданія. Очевидно, что для того, чтобы оправдать себя въ глазахъ православныхъ, — а это было необходимо въ виду интересовъ самой уніи, — имъ нужно было доказать, что они „не отступники“ отъ православія какъ ихъ обыкновенно честили православные, не новаторы какіе-нибудь, а поборники старины, которая попирается ихъ бывшими единовѣрцами. Настаивать на этой мысли побуждало уніатовъ еще одно обстоятельство. Въ коронѣ польской, какъ это уже мы видѣли, православная церковь со стороны своихъ правъ и привилегій никогда не смѣшивалась съ церковью римско-католическою: въ законахъ Рѣчи Посполитой сплошь и рядомъ встрѣчаются королевскіе статуты, гдѣ дается обѣщаніе охранять права обѣихъ этихъ церквей въ отдѣльности, не смѣшивая ихъ одну съ другой. Теперь же, когда между этими двумя церквями образовалась третья и притомъ такая, которая отдѣлилась отъ одной изъ нихъ и не пристала къ другой, но существованіе которой тѣмъ не менѣе официально было признано, естественно возникалъ вопросъ: какими правами и привилегіями она должна пользоваться, т. е., тѣми-ли, которыя узаконены были за церковью римско-католическою, или тѣми, которыя принадлежали церкви русско-православной? Уніаты, по самому существу тогдашней уніи, не имѣли ни малѣйшаго основанія смѣшивать себя въ этомъ отношеніи съ римско-католиками: трактуя себя и послѣдователями древне-греческаго исповѣданія, они ес-

тественно, должны были считать себя прямыми наследниками и тѣхъ правъ и привилегій, которыя утверждены были за церковью этого исповѣданія. Вторымъ пунктомъ условій, на которыхъ владыки соглашались принять унію, прямо требовалось, чтобы русскія владычества, церкви, монастыри и ихъ имущества оставались въ цѣлости¹⁾. Но въ этомъ пунктѣ они неизбежно сталкивались съ православными, которые, въ свою очередь, по совершенно повитной причинѣ, тоже заявляли претензіи на эти права и привилегіи²⁾. И вотъ, чтобы доказать законность своихъ притязаній и превосходство своихъ правъ предъ правами православныхъ, уніаты задумали прибѣгнуть къ слѣдующему приему: они рѣшились доказать, что всѣ привилегіи, какія только получила греко-русская церковь со времени Владислава, т. е. со времени флорентійской уніи, даны были ей только подъ условіемъ принятія этой уніи, которая яко-бы, дѣйствительно, и была принята западно-русскою православною церковью. Здѣсь, такимъ образомъ, было новое побужденіе для уніатской полемики обратить вниманіе на флорентійскую унію. Насколько всѣ указанія нами соображенія сознавались и проводились современниками, это видно изъ слѣдующихъ очень характерныхъ словъ, Ипатія Подцѣя: „Волають на насъ (православные) яко бысь мы права и вольности ломали, новые и неслыханные речи до папѣства тутешнего въ провожаты мели, а того глухи коли ихъ упоминаемъ, абы до первое згоды и милости христіанское, для которое тыхъ правъ и вольностей доступили вернулись, а сами своихъ правъ и привилеевъ не ломали. Поведають же веру православную и церемоніи светое восточное церкве ломаемъ, а мы просимъ, абы при вере своей стародавней, которое насъ светые богоносные отцы светое восточное церкве научили мощне стояли зъгуду и единость которую они съ церковью римскою держали, абы они въ томъ наследовали присяги предковъ своихъ не ломали, которую не разъ обновляючи тую едностъ светую чинили... Але рекутъ гдѣжь о томъ, чимъ того доводимъ? О то привилей господарей нашихъ отъ полътораста лѣтъ выданные Владиславовъ, Александровъ, Жыггимонтовъ светъчить, о то соборъники русскіе велми старые въ которыхъ соборъ вселенскій, флорентійскій уписаны отъ летъ шестидесятъ и далей показываютъ. О то листъ на паргамене с печатью завесистою Исидора митрополита кievьскаго, подъ тоюжь немаль датою тоюжь посветъчаетъ. Наконецъ о то теперь не давню зналися книжки барзо старые въ церкви кревской, въ которыхъ и тотъ соборъ флорентейскій, такъ же яко и въ соборъникахъ виленьскихъ уписаны, а надъ то листъ митрополита кievьскаго Мисаила, и иныхъ духовныхъ такъ же князятъ и великихъ пановъ сенаторовъ и иныхъ зацныхъ становъ русскаго народу, который писали до папежа Сикста четвертаго въ року 1476, за датою у Вильни, съ которымъ

¹⁾ Церковная исторія Макарія т: IX, стр. 554.

²⁾ См. Апокрисисъ Хр. Фил. ч. 1, гл. 6—7.

листомъ и двохъ особъ зацѣнныхъ въ поселствѣ до Рыму посылали¹⁾. Въ этихъ немногихъ словахъ вполне достаточно обрисованы не только предметъ и направленіе полемики въ этотъ новый фазисъ ея развитія, но и самые пути, которыми она задумала достигнуть преслѣдуемыхъ ею цѣлей. Центромъ вниманія полемистовъ теперь, какъ видимъ, сдѣлался флорентійскій соборъ; слѣдовательно, выдвинуто было на сцену событіе, происшедшее больше чѣмъ за полтораста лѣтъ тому назадъ; вопросъ, такимъ образомъ, становился на строго-историческую почву, и чтобы доказать его, нужны были историческія данныя, нужны были факты, которые можно было извлечь только изъ документовъ. И вотъ, начавшись усиленные поиски въ бібліотекахъ и архивахъ, куда съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ устремляется вниманіе доброжелателей униі. Но ожидать пришлось недолго и, въ извѣстномъ смыслѣ, не напрасно: плодомъ усиленныхъ экскурсій въ области пыли и фоліантовъ начали появляться то „сборники русскіе велми старыя“, то „листы на перьгаминѣ“, то „книжки баръзо старыя“... короче говоря, появился цѣлый рядъ документовъ и литературныхъ памятниковъ, на основаніи которыхъ стали доказывать, что униаты „ни правъ, ни привилегій не преступали, ни новыхъ и неслыханныхъ вещей въ здѣшнее государство вводить не намѣревались, ни обрядовъ святой восточной церкви не преступали“... а что, напротивъ, „къ первоначальному согласію и любви христіанской, изъ-за которыхъ сдѣлались владѣтелями этихъ правъ и привилегій, воротились; что они стоятъ при вѣрѣ стародавней, которой ихъ святые богоносные отцы святой восточной церкви научили, что они унаслѣдовали то согласіе и единеніе, которыя тѣ содержали съ римскою церковію, что они клятвы предковъ своихъ не преступили“ и проч., и проч. Если обратиться теперь къ самой полемикѣ по этому вопросу, то, по крайней мѣрѣ, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми мы можемъ располагать въ настоящее время, легко дается замѣтить, что главное вниманіе полемистовъ въ данномъ случаѣ сосредоточивалось на слѣдующихъ двухъ основныхъ пунктахъ: во 1-хъ, на исторіи самаго флорентійскаго собора, и во 2-хъ, на отношеніи православной Руси къ состоявшимся на этомъ соборѣ постановленіямъ. И это совершенно понятно: отъ такого или иного рѣшенія этихъ двухъ главныхъ вопросовъ неизбежно зависѣла судьба и многихъ другихъ мелкихъ вопросовъ, которые съ логическою послѣдовательностію вытекали изъ первыхъ, какъ изъ своихъ посылокъ. Болѣе извѣстнымъ памятникомъ полемики по первому изъ этихъ двухъ вопросовъ со стороны православныхъ служитъ такъ называемая „Исторія о листрійскомъ соборѣ“: „Въ 1601 году,— писалъ Геласій Русовскій въ посвященіи К. Острожскому своего перевода „Obrony S. Synodu Florenskiego powszechnego“ Федоровича,— одна неизвѣст-

ная особа, которая однако прикрываетъ себя особою вашей княжеской милости, издала въ свѣтъ сочиненіе, въ которомъ сообщаются чрезвычайно ложныя извѣстія о Флорентійскомъ соборѣ“. Этимъ сочиненіемъ и была указанная „Исторія о листрійскомъ, т. е. разбойническомъ Феррарскомъ или Флорентскомъ синодѣ вкратцѣ правдивѣ списанная (изд. въ Острогѣ, 1601 г.)“¹⁾. Кто былъ авторомъ этой исторіи,—этотъ вопросъ въ настоящее время еще не рѣшенъ²⁾. Проведенная въ этомъ сочиненіи тенденція дѣлаетъ его особенно интереснымъ для насъ. Коснувшись коротко побужденій и самаго факта собранія флорентійскаго собора, и рассказавъ исторію назначенія на русскую митрополию Исидора, явившагося въ качествѣ представителя русской церкви на флорентійскомъ соборѣ, авторъ останавливаетъ свое вниманіе на происходившемъ на этомъ соборѣ спорѣ между восточными и западными богословами, указавъ предварительно главнѣйшіе пункты разногласія между восточною и западною церквами. Замѣтивъ, далѣе, что вниманіе отцевъ собора всего болѣе останавливалось на себѣ вопросъ объ исхожденіи Святаго Духа, онъ подробно излагаетъ доказательства, представленныя каждою изъ спорившихъ сторонъ въ защиту своего мнѣнія по этому вопросу. Результатомъ споровъ какъ по главнымъ, такъ и по второстепеннымъ пунктамъ разногласія, продолжаетъ далѣе авторъ, было полнѣйшее соглашеніе между собою обѣихъ сторонъ, предполагавшееся окончиться миролюбивымъ соединеніемъ церквей. Но вдругъ по интригамъ аббата Радоссаго, въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ латинянъ произошла радикальная переменна, окончившаяся страшною катастрофой: достигнутые прежде согласительные пункты передѣлываются латинянами по своему; Михаилъ Палеологъ и патріархъ Іосифъ покупаются дарами и обѣщаніями; отказавшіеся отъ подписи восточные отцы подвергаются различному истязанію оканчивавшемуся перѣдко принятіемъ мученическаго вѣнца; самъ патріархъ, раскаявшійся въ первоначаль-

1) Сочиненіе это въ переводѣ на современный русскій языкъ помѣщено въ Киевск. изд. Апокриписа, стр. 369.

2) Вишневецкій, констатируя тотъ фактъ, что этимъ сочиненіемъ сильно заинтересованъ былъ князь Константинъ Острожскій, такъ что, по приведенному Смотрицкимъ одному свидѣтельству (Parænesis, стр. 8), даже не прочь былъ подписать подъ нимъ свое имя, и сопоставляя этотъ фактъ съ тѣми близкими отношеніями, какія существовали между Острожскимъ и Смотрицкимъ, предполагаетъ, что „Исторія о листрійскомъ соборѣ“ была написана Смотрицкимъ.

Противъ этого предположенія возражаетъ переводчикъ Вишневецкаго, въ свою очередь предполагая, „что въ 1601 году Смотрицкій, по всей вѣроятности, уже находился за границею; во всякомъ случаѣ, въ это время онъ не жилъ въ Острогѣ (Киевск. Епарх. Вѣд. тамъ же стр. 446)“. Самъ Смотрицкій въ своей „Апологіи“ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе объ авторѣ этой „исторіи“: „что за человекъ клирикъ? Дидаскалъ, подобный Зизанію, проникнутый арианскимъ духомъ, какъ это видно изъ его умствованій о происхожденіи св. Духа, изложенныхъ силлогистически въ его сочиненіи“ см. тамъ же стр. 450.

1) Вишневецкій, т. VIII; см. Киевск. Епарх. Вѣд. за 1874 г. № 17, стр. 444—445.

номъ своемъ поступкѣ, подвергается удушенію, а отъ его имени и за его будто бы подписью фабрикуется въ унионномъ духѣ завѣщаніе. Принявшій унию Псидоръ, будучи встрѣченъ на Руси враждебно, послѣ долгаго странствованія, погибаетъ насильственной смертію. Все это заканчивается тѣмъ, что озлобленные противъ грековъ латиняне, отправившись въ количествѣ 2600 вооруженныхъ людей на Аѳонъ, устраиваютъ тамъ кровопролитную рѣзню надъ иноками, которая оканчивается чудеснымъ умерщвленіемъ осквернителей святыни обрушившимися стѣнами ксиропотамскаго монастыря, гдѣ всѣ они, вмѣстѣ съ принявшими ихъ сторону иноками этого монастыря, до одного погибаютъ. Свой рассказъ авторъ оканчиваетъ патетическимъ обращеніемъ къ сынамъ православной церкви, напоминаетъ имъ о томъ, что церковь, къ которой принадлежатъ сыны востока, еще при рожденіи повита была пеленами тиранства „лютыхъ родовъ“, воспитана среди проливанія послѣдними крови и утѣшенія, была искушаема и увѣчена огнемъ и мечомъ, и поэтому она желаетъ теперь, чтобы ея сыны не удалялись отъ нея при ея старости,—отъ нея удрученной, но вознесенной притѣшеніями. Напротивъ, она завѣщаетъ своимъ сынамъ, требуетъ отъ нихъ и желаетъ того, чтобы всѣ они, прошедши здѣсь, такъ сказать сквозь огонь и воду, введены были въ вѣчный покой и царствовали во вѣки. Проведенная здѣсь, рѣзко бросающаяся въ глаза тенденція, особенно удачно прилетенный рассказъ объ аѳонскомъ побойщѣ¹⁾, имѣли слѣдствіемъ то, что „Исторія о листрийскомъ... соборѣ“ производила возмущающее дѣйствіе на умы сторонниковъ флорентійской уніи, которому ея авторъ обязанъ тѣмъ, что его имя, никогда не упоминавшееся уніятами безъ желчи, въполѣдствіи, подъ названіемъ „Клирика Острожскаго“, или просто „Клирика“, всегда произносилось на ряду съ именами Ст. Зизанія, Филалета, Ортолога и многихъ другихъ „злѣйшихъ и лютейшихъ, чѣмъ самъ дьяволъ, еретиковъ“. Понятно, что такое сочиненіе не могло быть оставлено безъ отвѣта со стороны уніатовъ. И дѣйствительно, въ 1603 г. написана была на польскомъ языкѣ уже упомянутая

¹⁾ Разказанная здѣсь повѣсть есть, по всей вѣроятности, простой вымыселъ. Если въ основаніи ея и лежитъ какой нибудь историческій фактъ, то его приходится отнести ко временамъ не Флорентійской, а Лионской уніи. Въ это время „святая гора, какъ оплотъ восточной церкви, дѣйствительно, была исключительнымъ поприщемъ миссіонерской дѣятельности, по преданіямъ аѳонскимъ, римскаго папы или его кардиналовъ. Императоръ Палеологъ и патриархъ Іоаннъ Веккъ оказывали имъ свое содѣйствіе; грабительствами, пытками и страдальческими казнями иноковъ они силились увлечь за собою въ папизмъ св. гору. Множество иноковъ пострадало въ эту искупительную годину и ихъ подвиги и смерть за православіе въ аѳонскихъ синодикахъ обозначены именно 1284 годомъ (Подолецъ. Епарх. Вѣд. за 1875 года стр. 556—557. Повѣсть эта разказывается и въ III посланіи Іоанна Вишенскаго (Акт. Юго-Зап. Р. т. II. Сравни „Палинодія“, часть III разд. II. артик. 1.

„Оброна“ Θεοδоровича¹⁾, выпущенная въ 1604 году на западно-русскомъ языкѣ вторымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „Оборона собору флорентійскаго осьмого противъ фальшивому недавно отъ противниковъ згоды выданному. Въ Вильнѣ 1604“²⁾. Въ посвященіи этого втораго изданія уже сыну К. Острожскаго, Янушу, издатель ясно высказываетъ, какимъ тяжелымъ камнемъ лежала на груди уніатовъ эта небольшая брошюра и, слѣдовательно, какое громадное влияніе она производила на народъ: „Ледве тому годовъ съ четыри, освѣченный и милостивый князю, яко нѣкисъ „Клирикъ Острожскій“ безыменный съ друкарни острожское выдалъ въ русскимъ и польскимъ языку соборъ нѣякій подмѣтный и фальшивый, менуючи его быти соборомъ флорентійскимъ осьмымъ, въ которомъ такъ много спроснаго и Богу мерзкаго кламства и потвары явное назматвалъ, жебы знати и самъ дьяволъ съ некла не могъ больше вымыслити, а то все ку огидѣ выврасченю той святой згоды и соединенія, которая на ономъ соборѣ вселенскомъ во Флоренціи грекамъ зъ рымляны зачалась (за) Евгенія четвертаго папы римскаго отъ нарожденія Христова 1434 скончилася, а теперь за вѣковъ нашихъ яко за недбалая въ панствѣ его королевское милости пана нашего милостиваго началась обновляться на свѣтло выходити“. Особенно смущалъ уніатовъ конецъ исторіи Клирика, который своимъ трагическимъ характеромъ долженъ былъ производить потрясающее впечатлѣніе на читателя, поражать въ его сознаніи самое мрачное представленіе о флорентійскомъ соборѣ и развивать въ его душѣ глубокое негодованіе и отвращеніе отъ виновниковъ той драмы, которая, по разсказу автора, разыгралась сначала на самомъ соборѣ, а потомъ на Аѳонской горѣ. Смотрицкій въ своей „Апологии“, именно въ разборѣ, мимо-православной исторіи о соборѣ флорентійскомъ, между прочимъ замѣчаетъ: „По истинѣ, описанное имъ зрѣлице флорентійскихъ ужасовъ таково, что оно не только приводитъ въ содроганіе и растрогиваетъ до слезъ сердце благочестивое и нѣжное: но заставило бы пролезиться и каменное, что же связать о насъ, единовѣрныхъ тѣмъ, надъ коими совершены были такіа безчеловѣчныя, неслыханныя злодѣйства“³⁾. Что бы парализовать дѣйствіе на умы этой ненавистной исторіи Клирика, уніаты старались проводить въ своихъ сочиненіяхъ⁴⁾ взгляды совершенно про-

¹⁾ Полное заглавіе этого сочиненія, какъ оно извѣстно Вишневекому, слѣдующее: „Obrońa ś. synodu Florenskiego powszechnego, dla prawowierney Rusi napisana przez Piotra Fiedorowicza w Wilnie kollegium ruskiego S. M. księdza metropolity Kiiowskiego rectora, a przez Gellasia Rusowskiego archimandritę Wilenskiego na polski język przełożona“. Wilno. 1603 г. въ 4 д. л. стр. нум. 92.

²⁾ Это второе изданіе оброны извѣстно библиографу еще подъ заглавіемъ: „Апология Флорентійскаго собору“ (трудъ кievск. дух. ак. 1876 г. т. 1, стр. 359).

³⁾ Стр. 78.

⁴⁾ Кромѣ указанныхъ двухъ изданій „оброны“, библиографу въ настоящее время извѣстно еще слѣдующее сочи-

тивоположные тѣмъ, какіе проводилъ Клирикъ, именно: они доказывали, что флорентійскій соборъ вполне достигъ своей цѣли, что состоявшаяся на немъ унія тогда же принята была какъ греками¹⁾, такъ и русскими. Последній пунктъ, по указаннымъ уже нами причинамъ, долженъ былъ обратить на себя особенное вниманіе уніатовъ: доказать, что флорентійская унія принята была въ свое время на Руси, это значило въ тоже время доказать и законность унии настоящей брестской, такъ какъ, по ихъ сознанию, нельзя было прискаты болѣе высшей санкціи для послѣдней, какъ чрезъ поставленіе ея въ причинную связь съ первой. II, дѣйствительно, мы видимъ, что уніаты напрягаютъ все свои силы, чтобы только какъ-нибудь доказать фактъ принятія древнею Русью флорентійской унии. Какъ на свидѣтельство отстаиванія тако-

неніе о Флорентійскомъ соборѣ, переведенное съ греческаго языка иезуитомъ Касперомъ Пентковскимъ, по приглашенію бискупа петроковскаго: *Święty a powszechny sobor w e Florenciey odprawiony, abo z Grekami unia, spisany ode trzech z kościoła greckiego, który po łacine iest troche skrócony, a tu się z greckiego na polskie w łacine przekłada, na żądanie S. M. Ć. X. biskupa kiłowskiego u nakładem iego wydaie się w Krakowie w druku Mikołaja Loba 1609. w 4 d. l. str. 416.*

¹⁾ Между доводами, которыми особенно любили пользоваться уніаты для доказательства принятія греками Флорентійской унии, кромѣ общихъ мѣстъ изъ исторіи Флорентійскаго собора, особеннаго вниманія заслуживаютъ: такъ называемое предсмертное завѣщаніе патріарха Іосифа и сочиненія Конст. патріарха Геннадія Схоларія, преемника Григорія Маммы. Но православные писатели съ легкой руки Филалета (см. часть III, гл. 9) единогласно отвергли подлинность этихъ памятниковъ (см. Палин. ч. II, отд. XIII, столб. 950). Относительно предсмертнаго завѣщанія патріарха Іосифа можно съ несомнѣнностію утверждать, что оно, дѣйствительно, подложно (см. исторія Флорентійскаго собора. Московск. изд. 1847 г., гл. 8, стр. 160—170). Что же касается вопроса о сочиненіяхъ Геннадія Схоларія, то объ спорившія стороны въ извѣстной степени имѣли для своихъ мнѣній дѣйствительныя историческія основанія. Извѣстно, что Геннадій, въ мѣрѣ Георгій Схоларій, сочувствуя интересамъ Іоанна Палеолога, сначала былъ сторонникомъ унии съ Римомъ и въ этомъ духѣ написалъ два сочиненія; „увѣщаніе къ восточному во Флоренціи о мирѣ и о помощи отечеству“ и „три рѣчи къ тому собору о мирѣ“. Эти два сочиненія можно считать несомнѣнно принадлежащими самому Геннадію. Впервые они изданы были въ 1612 году въ Римѣ Матѳеємъ Каріофиломъ. Но кромѣ этихъ двухъ сочиненій Геннадію латинянами приписывается еще слѣдующее, написанное тоже въ уніонномъ духѣ: *Ἐπιγενεία Γενναδίου τοῦ Σχολαρίου, πατριάρχου Κωνσταντινου πόλεως ὑπερ τῆς ἁγίας καὶ οἴκου-μενικῆς ἐν Φλωρυντία συνόδου, ὅτι ὁρθῶς ἐγένετο, ὑπεραπολογουμένου τῶν τῷ ὀρθῷ ἀδελφῶν πέντε κεφαλαίων*, или въ латинскомъ изданіи: *Apologia (или Defensio) quinque capitum Synodi Florentini*. По главамъ содержаніе этого сочиненія распределено такимъ образомъ: 1) объ исхожденіи св. Духа, 2) о совершеніи евхаристіи на опрѣсновахъ и хлѣбѣ, 3) о чистилищѣ, 4) о блаженствѣ святыхъ и 5) о главенствѣ папы. Впервые это сочиненіе издано тоже въ Римѣ, въ 1577 году, нѣкимъ Занетти. Подложность этого сочиненія въ настоящее время считается фактомъ доказаннымъ. О послѣднемъ

го рода тенденцій, можно указать на слѣдующія два памятника: 1) „О привиллегіяхъ, данныхъ польскими королями и о нѣкоторыхъ главнѣйшихъ (*przedniejszych*) доказательствахъ, которыя свягую унію рекомендуютъ и подтверждаютъ“ и 2) „Посольство къ папѣ Сиксту IV отъ духовенства, князей и дворянъ русскихъ въ 1476 году“. Оба эти памятника изданы были Ипатіемъ Поцѣмъ въ 1605 г. Въ первомъ изъ нихъ Поцѣй, излагая королевскія грамоты прежнихъ временъ, проводитъ выше указанную нами мысль, что все права и привилегіи, какія только въ этихъ грамотахъ предоставлялись Русскимъ, относились къ однимъ только принявшимъ флорентійскую унію. Но для насъ особеннаго вниманія заслуживаетъ процессъ изданія послѣдняго документа.

сочиненіи вышеупомянутой Пентковскій говоритъ, что оно „уже давно переведено на польскій языкъ славной памяти Станиславомъ Радзивилломъ, литовскимъ маршалкомъ“. Дѣйствительно, въ польскомъ переводѣ оно издано было въ 1581, 1583 и въ 1586 гг. Этими тремя сочиненіями Геннадія и пользовались латино-уніатскіе полемисты (см. „*Obrona Synodu Brzeskiego*“ *Rozdział IX — X*, кievск. изд. Апокр. стр. 436 — 442, оброна унии Крезвы, часть IV, *rozdz. V*, Русск. ист. бібліотека т. IV, стр. 297), считая его сборникомъ унии. Но и у православныхъ въ свою очередь были свои данныя, на основаніи которыхъ они имѣли полное право считать Геннадія ревностнымъ хранителемъ православія, такъ какъ Геннадій въ послѣдствіи отказался отъ своихъ прежнихъ уніонныхъ тенденцій и написалъ въ этомъ духѣ цѣлый рядъ сочиненій; относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ несомнѣнно извѣстно, что они были подъ руками православныхъ полемистовъ. Такъ, напр. Филалетъ въ Апокрисахъ ссылается на одно письмо его къ Марку Ефесскому (Кievск. изд. стр. 156); а Зах. Копыстенскій въ Полинодіи говоритъ о его „Діалогѣ о св. Духѣ“, изданномъ въ Вильнѣ въ 1585 году въ типографіи Косьмы и Луки Мамоничей и посвященномъ Евстафію Воловичу (см. часть II, отд. XIII, *Artic. 1*; Русск. ист. библ. т. IV, стр. 950—951). Болѣе подробное изслѣдованіе о сочиненіяхъ Геннадія Схоларія см. Апокр. кievск. изд. примѣч. 49. Наряду съ предсмертнымъ завѣщаніемъ патріарха Іосифа и сочиненіями Геннадія Схоларія, предметомъ споровъ между тою и другою сторонами было еще письмо Константинопольскаго патріарха Нифонта къ кievскому митрополиту Іосифу Солтану, въ которомъ тоже проводится уніонный взглядъ и между прочимъ дѣлается одобрительный отзывъ о Флорентійскомъ соборѣ. Крезва по поводу этого письма замѣчаетъ: „*ten sam original na rągamentie pisanu z ołowiana piészecią* и *nas ies* (часть II, *rozdz. XIII*, стр. 222). Въ отвѣтъ на это Копыстенскій, что „листъ Нифона есть подметъ и прелестъ“ („*Палинодія*“). Часть II, отд. XIII, *art. 2*. Русск. Ист. Библ. т. IV, стр. 953), представляетъ слѣдующія соображенія въ доказательство этого: 1) ни предшествовавшіе Нифонту, ни слѣдовавшіе за нимъ константинопольскіе патріархи не признавали флорентійскаго собора, 2) если бы это посланіе писано было патріархомъ Нифонтомъ, то И. Поцѣй и подобныя-латиномудрествующие уніаты непременно помѣстили-бы его въ изданныхъ ими книжкахъ наполненныхъ разнаго рода небылицами; не дѣлали же они этого, очевидно, потому, что въ то время посланіе это еще не существовало; 3) патріархи не имѣють обыкновенія въ посланіяхъ желать „здравія“, что находимъ въ этомъ посланіи, а выра-

Онъ показывается, какъ низко палъ кредитъ представителей уни въ сознаниа западно-русскаго общества, и къ какъ имъ оригинальнымъ мѣрамъ прибѣгали они для подержанія его. Въ посланіи къ Сиксту IV, какъ извѣстно, вся западно-русская церковь во главѣ съ киевскимъ митрополитомъ Мисаиломъ представляется ревностною поборницею уни съ Римомъ. Такой документъ, разумѣется, былъ величайшею находкою для защитниковъ уни. Но когда заходила рѣчь о примѣненіи его къ дѣлу, то невольно возникалъ далеко нелегкій вопросъ: именно, какимъ образомъ обнародовать это дорогое сокровище? Различныя подпольныя махинаціи, пущенныя въ ходъ при выполненіи плана брестской уни, и такъ безцеремонно обнародованныя Филалетомъ и другими православными писателями, іезуитскіе приемы веденія

жають свои пожеланія словами: „благодать, любовь и миръ“.. Что же касается происхожденія этого посланія, то оно, по мнѣнію Копытенскаго, можетъ быть объяснено очень просто: „написали его, вѣроятно, сами іезуиты съ униятами, а перевести на греческій языкъ, переписать и подписать могли недавно гостившіе въ Вильнѣ у униатовъ греки, выдававшіе себя за какихъ-то митрополитовъ“: могли также сдѣлать это случайно захваченные греческіе путешественники, насильно вынужденные дѣлать то, что имъ приказано было; наконецъ, посланіе это могло быть прислано изъ Рима, гдѣ состригали его проживающіе въ Италіи Греки (Палин. ч. IV, отд. 1, арт. 5, стр. 1125). Мы, съ своей стороны, вполне раздѣляемъ мнѣніе Копытенскаго. Подложность этого посланія вытекаетъ изъ анахронизма его даты. Извѣстные въ настоящее время его списки помѣчены не одинаковою датой: въ списокѣ, напечатанномъ въ изданной въ 1632 году виленскимъ троицкимъ униатскимъ братствомъ книгѣ: *Prawa i przywileje od... królów nadane obywatelom korony Polskiej i W. X. Litew. religiej greckiej w iedności z s. kościołem Rzymskim będącym*, (стр. 16—17), а также въ копии, хранящейся въ архивѣ бывшихъ греко-униатскихъ дѣлъ, посланіе это помѣчено датой 1497; а въ книгѣ Дубовича *Nierazchia* (стр. 221—223), а также въ „*Obronie Unii*“ Льва Крєвзы—датой 1492 г. Какую же дату нужно признать истинною? Несомнѣнно—вторую: во первыхъ потому, что списокъ Крєвзы самый ранній изъ всѣхъ извѣстныхъ (*Obrona* написана въ 1617 году), а во вторыхъ потому, что у Крєвзы былъ подъ руками оригиналъ, въ существованіи котораго онъ предлагаетъ лично убѣдиться каждому сомнѣвающемуся въ подлинности посланія (Русск. Ист. Вибл. т. IV, стр. 222 и 237). А если такъ, то подложность посланія не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ изъ двухъ Іосифовъ, занимавшихъ около этого времени кафедру киевскаго митрополита, первый—Болгариновичъ утвержденъ былъ въ этомъ санѣ въ 1498 году, а второй—около 1507 года (Ист. Русс. Ц. Макарія, т. IX, стр. 89 и 165). Анахронизмъ этотъ, вѣроятно, скоро подмѣченъ былъ самими униятами и дата была измѣнена, чѣмъ и объясняется указанное разногласіе въ различныхъ спискахъ. Нельзя не обратить вниманія также на то противорѣчіе, которое допустилъ Крєвза въ своей *Оброніи*: помѣтивъ посланіе съ датой 1492 года, онъ въ тоже время утверждаетъ, что оно адресовано было на имя Іосифа Солтана, который по его же словамъ вступилъ на митрополицію кафедру въ 1497 г. (Іосифа Солтана тогда смѣнили съ І. Болгариновичемъ. *Ibid.* стр. 237).

пропаганды вообще, по которымъ дозволялось пускать въ ходъ самую наглую ложь, если только она увеличивала хоть въ незначительной степени шансы на успѣхъ при осуществленіи задуманной дѣли,—до такой степени развили въ православномъ обществѣ скептицизмъ ко всему тому, что выходило изъ устъ или выпускалось изъ рукъ недоброжелателей православія, что вполне можно было ожидать, что обнародованіе новаго, неизвѣстнаго доселѣ, крайне неблагопріятнаго для православія, документа несомнѣнно встрѣчено будетъ съ полнѣйшимъ недоверіемъ и непремѣнно понято будетъ въ смыслѣ допущенія врагами православія новаго подлога, новой фальши. И вотъ Поцѣй, чтобы заранѣе предупредить недоверіе къ его новому доказательству въ пользу уни, является съ памятникомъ, въ которомъ находилось и посланіе къ Сиксту IV, въ виленскій магистратъ; доводитъ до свѣдѣнія его членовъ, между которыми были и православные, о новомъ своемъ открытіи; предлагаетъ посредствомъ непосредственнаго личнаго осмотра убѣдиться въ древности, а слѣдовательно, и въ подлинности этого документа; требуетъ внести засвидѣтельствованіе объ этомъ въ мѣстныя книги и потомъ, сдѣлавъ изъ нихъ выписку, присовокупляетъ ее къ вновь изданному документу, какъ несомнѣнное доказательство его подлинности¹⁾. Но увы! все оказалось напрасно: припята Поцѣемъ мѣры не спасли посланія отъ того безусловно отрицательнаго приговора, на который оно обречено было православными уже вслѣдствіе одного не оспоримо важнаго, рѣшающаго, такъ сказать, значенія, которое за нимъ они необходимо должны были бы признать, въ случаѣ принятія его подлинности. Какъ только сдѣлался извѣстенъ фактъ его существованія, православные не нашли даже нужнымъ усомниться въ его подложности, а прямо, безъ всякаго критическаго разбора, категорически заявили, что этотъ документъ сфабрикованъ отступниками²⁾. Та-

¹⁾ Дата выписки: „Лѣта Божего нарочена 1605. въ среду, мѣсяца юнія; 15 дня“. Въ изданномъ Поцѣемъ документѣ, кромѣ посланія къ Сиксту IV, находится также и исторія Флорентійскаго собора.

²⁾ Вопросъ о подлинности этого документа считается нерѣшеннымъ и до настоящаго времени. Православные, современные его изданію, писатели, какъ замѣчено, категорически отвергли его подлинность. Униатскіе писатели, напротивъ употребляли всѣ силы, чтобы опровергнуть такой приговоръ. Смотрицкій, отвергнувъ подлинность этого посланія во *Өришоѣ* (*Traktat: przeciw samow. zwierzchności biskupa rzymskiego. Rozd. III, стр. 34 на обор.*), вотъ что говоритъ о немъ въ своей Аполоніи: „Нѣкоторые не придаютъ этому посланію никакой важности; но люди свѣдущіе въ дѣлѣ, и смотрящіе на тѣ времена безпристрастно, судятъ совѣмъ иначе, они не отвергаютъ ни значенія, ни подлинности грамоты; Кромѣ списка, найденнаго въ Крєвкѣ, открытъ былъ еще другой,—въ церкви села Вельбойца, что подъ Острогомъ,—стариннаго письма и подлиннаго молью. Такъ сказывалъ мнѣ покойный Александръ Пуцяницкій (извѣстенъ какъ довѣренное лицо К. Острожскаго, послышавшее послѣднимъ около 1600—1601 гг. для переговоровъ съ

кимъ образомъ, и эта новая попытка латиняцъ сблизить-ся съ православными оказалась напрасною.

(Продолженіе въ слѣд. номерѣ).

В. Заситневичъ.

Ультрамонтанская пропаганда на Подляси въ новейшее время.

Много разъ приходилось намъ слышать, что православіе нашло себѣ малоплодородную почву въ Привислянскомъ краѣ, а въ особенности на Подляси. Пусть бы, говорятъ, эту мѣстность населяли прежде латинники и не русскіе; а то населяютъ ее чисто русскіе и при томъ бывшіе уніаты, которые хотя и чувствовали на себѣ въ теченіи 3 вѣковъ

львовскимъ братствомъ по типографскому дѣлу и „для инаго поразумѣнья съ ихъ милостями братією“ (Акт. Зап. Р. т. IV № 148), который самъ нашель его тамъ случайно и котораго мы коротко знаемъ“. По свидѣтельству Вишневецкаго, экземпляръ этого посланія отысканъ графомъ Александромъ Пржевальскимъ между рукописями, находящимися въ Римѣ, въ Ватиканской библиотекѣ. Переводчику Вишневецкаго извѣстны два печатные церковно-славянскими буквами экземпляра этого посланія: одинъ находится въ библиотекѣ Перемышльскаго (уніатскаго) собора І. Крестителя; а другой въ библиотекѣ литовской духовной семинаріи (сравни литовск. церков. унія т. 1 стр. 187). Попытокъ рѣшить вопросъ о подлинности этого документа научнымъ образомъ не было до послѣдняго времени. Только въ недавнее время, на третьемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, Ив. Игн. Малышевскій выступилъ съ рефератомъ, въ которомъ научнымъ образомъ доказывалъ подлинность грамоты къ Сикету IV. Признаки подлинности грамоты, по его мнѣнію, заключаются: I. въ томъ, что содержаніе ея согласно съ историческими обстоятельствами того времени, — и, II, въ томъ, что языкъ грамоты есть славянскій языкъ 1480-хъ годовъ, безъ примѣси польскихъ словъ (кіевск. Епарх. Вѣд. тамъ же стр. 445). Съ мнѣніемъ г. Малышевскаго соглашается и Высокопреосвященный Макарій, по словамъ котораго „нѣтъ основанія считать грамоту подложною“ (Истор. Рус. Ц. т. IX, стр. 45). Несмотря однакожъ на такое категорическое заявленіе столь авторитетныхъ ученыхъ, и по сей день раздаются возраженія противъ подлинности этого документа. Соотвѣтствіе содержанія и языка его тому времени, къ которому его относятъ, ничего, говорятъ, не доказываетъ, потому что такое соотвѣтствіе есть необходимая принадлежность всѣхъ мало-мальски удачныхъ поддѣлокъ, за которыя берутся мастера своего дѣла, между которыми Поцѣю, безспорно, должно быть отведено одно изъ видныхъ мѣстъ. Да къ тому же поддѣлка этой грамоты не можетъ быть признана даже вполнѣ удачною, такъ какъ въ ней находятъ анахронизмы. Такъ напримѣръ, архимандритъ Печерской Лавры Іоаннъ титулуется здѣсь „архимандритомъ славныхъ лавръ печерскія въ Кіевѣ“, между тѣмъ какъ этотъ титулъ впервые усвоенъ лаврѣ только при современникѣ Поцѣя, Мелетіѣ Хребтовичѣ, а до этого времени она называлась „печерскою обителью“ и др. Самый славянскій языкъ этой грамоты признается ужъ слишкомъ чистымъ для второй половины XV вѣка. Что же касается, наконецъ, ея слога, то въ немъ видятъ несомнѣнные слѣды краснорѣчія Поцѣя.

хищническую руку іезуитовъ, но все же рана, нанесенная имъ этою рукою не такъ глубока и опасна, чтобы искусные врачи не могли залечить ее. Вѣдь крѣпка была прежде въ этой самой странѣ православная вѣра; а враги ея, все таки, успѣли почти уничтожить ее и вкоренить недугъ унію, конечно употребляя для этаго не разбирая всякія средства. Почему же, продолжаютъ они, врачи, взявшіе на себя обязанность врачевать отъ этого недуга, также не употребляютъ возможныхъ средствъ къ уврачеванію его? А вотъ почему; не задумываясь отвѣчаютъ тѣже совопросники: врачи эти недѣтельны, равнодушно и небрежно относятся къ своему дѣлу; они грубы и неумѣлы; они не умѣютъ обрабатывать почву,—оттого она и малоплодородна. „Посмотрите, восклицаютъ эти порицатели православнаго духовенства, на латинское духовенство, какое оно разумное и просвѣщенное; какъ оно дѣйствуетъ на основаніи миссіонерскихъ правилъ: обдуманно и весьма осторожно привлекаетъ къ себѣ людей, дѣйствуя на нихъ въ тоже время своимъ кроткимъ обхожденіемъ и безукоризненнымъ поведеніемъ (!?). Но эти самозванные судьи, какъ видно, не имѣютъ и не желаютъ имѣть ни малѣйшаго понятія о настоящемъ положеніи дѣла. Они только указываютъ на латинское духовенство, какъ на образецъ для духовенства православнаго, забывая, или же совсѣмъ не зная того, что прав. духовенству христіански-пастырскій долгъ запрещаетъ употреблять въ церковной практикѣ тѣ возмутительные способы, которыми нерѣдко пользуются ультрамонтане-паписты для совращенія колеблющихся въ православіи. Они забываютъ и то, что девизъ іезуитизма: „дѣлъ освящаетъ средства“, можетъ быть практикуемъ и практикуется только вѣрными слугами ультрамонтанства, а отнюдь не прав. духовенствомъ. Замѣчательно также, что эти порицатели видятъ и стараются видѣть только хорошія стороны въ дѣятельности папистовъ, а когда приходится указывать на преступность этой дѣятельности, то они, какъ бы нарочито, не видятъ ея. Стало быть можно заподозрить ихъ въ близкомъ родствѣ съ ультрамонтанствомъ, хотя они и считаются официально, поборниками православія. Впрочемъ, намъ до нихъ дѣла нѣтъ; только паписты ихъ папистамъ, часто, можетъ быть, вводятъ въ заблужденіе людей, незнакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ у насъ на Подляси. Поэтому мы и беремъ на себя смѣлость представить нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ въ настоящемъ свѣтѣ, не столько для самихъ порицателей, сколько для всѣхъ, интересующихся этой окраиной родной Руси, принимая на себя полную отвѣтственность за достовѣрность сообщаемыхъ фактовъ.

Возсоединеніе отторгнутыхъ нѣкогда обманомъ и насиліемъ съ своею матерью-православною церковію, послѣдовавшее въ 1875 году, было весьма радостнымъ событіемъ для всѣхъ истинныхъ сыновъ православной церкви и великою скорбію для усердныхъ не по разуму слугъ папы. Да и было о чемъ радоваться; ибо въ день, посвященный памяти первыхъ просвѣтителей славянства, цѣлыя сотни тысячъ людей, освобождены были отъ рабства и суевѣрнаго ультрамонтанства, столько вѣковъ тяготѣвшаго надъ ними и грозившаго поглотить ихъ обрядъ и даже стереть ихъ народность. Но было также о чемъ сѣтовать и папистамъ; ибо въ этотъ роковой день, повидимому, были уничтожены вѣковые труды іезуитовъ, старавшихся всѣми силами ополчить и окатоличить православное населеніе Холмской Руси. — Но радость православныхъ была не продолжительна, она постепенно, все чаще и чаще, должна была уступать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свое мѣсто печали; печаль же ультрамонтанъ постепенно замѣнилась радостію. Почему же — спросить каждый, интересующійся этой окраиной Руси и

не могущій проникнуть во внутреннюю жизнь ея? А вотъ почему. На первыхъ порахъ, рьяные поборники папизма, пораженные фактомъ воссоединенія, пріутихли, и это очень естественно; потому что, имъ нужно было опомниться отъ такого сильнаго крушенія и, по обычаю коварнаго врага, принять на себя личину смиренія и кротости, для того, чтобы отвести глаза наблюдателей и, измѣривъ силы противниковъ, со всею энергіею при удобномъ случаѣ приняться за будтобы оставленное дѣло. И вотъ, благодаря подобнымъ пріемамъ, и до настоящаго времени, обманывающимъ зрѣніе недалекихъ наблюдателей, въ настоящее время, усердные слуги ультрамонтанства успѣли у насъ уже во многомъ. Дѣло поведено было и ведется очень хитро и не уловимо. Первоначально, прежние изъ нихъ, не столь опытные, у насъ были замѣнены новыми, болѣе опытными и, должно быть, болѣе знакомыми съ образомъ дѣйствій нынѣшнихъ изгнанниковъ французской республики, нѣкогда усердно подвизавшихся и у насъ на пользу Рима; за тѣмъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, нѣкоторые и изъ насъ православныхъ, нѣкогда стоявшихъ за святое дѣло православія, породнились съ ультрамонтанствомъ и въ настоящее время, подъ влияніемъ этого родства, увы, не имѣютъ уже той стойкости и болѣе склоняются въ пользу ультрамонтанъ нежели Православія. И такъ, представимъ нѣчто изъ трудно уловимой дѣятельности ультрамонтанъ, а потомъ уже скажемъ нѣчто и о дѣятельности ихъ помощниковъ.

Въ одной деревнѣ панъ Л., подъ предлогомъ освятить себѣ хлѣбы ко дню Пасхи, привезъ къ себѣ на домъ патера П., притомъ даже не того костела, къ приходу котораго принадлежалъ самъ. Почему этотъ панъ поступилъ такимъ образомъ, мы сказать навѣрное не можемъ; только знаемъ, что этотъ патерь освятить хлѣбы не только для пана, но также и для многихъ прихожанъ православной церкви, конечно, еще не вполне утвердившихся въ православіи и вѣснеческими приманками склоняемыхъ въ папизмъ. Тоже самое и тѣмъ же патеромъ П. было совершено въ деревнѣ В. православнаго прихода Ш. Можетъ быть, кто либо, вмѣстѣ съ порицателями православнаго духовенства, скажетъ, что патеры православной церкви не радятъ о своей паствѣ и молчатъ о подобныхъ продѣлкахъ ультрамонтанъ-пановъ и ксендзовъ, такъ что объ этомъ никому ничего не извѣстно; но онъ, въ такомъ случаѣ, ошибется, потому что патеры соблазненныхъ овецъ, какъ намъ извѣстно, возвышали свой голосъ, для того, чтобы получить защиту отъ пахальныхъ волковъ. Но ихъ голосъ признали ложнымъ, а ксендза не виновнымъ, потому что ксендзъ увернулся, сваливая вину въ этомъ дѣлѣ, на пана, который привозилъ его къ себѣ. Удивительно, какъ этотъ ксендзъ, видя огромное количество мужичьихъ хлѣбовъ, не могъ уразумѣть, что панамъ такое количество хлѣбовъ совершенно не нужно?! Да вѣдь, панъ, для себя и не сталъ бы освящать хлѣбы. въ коробкахъ, въ какихъ, обыкновенно, крестьяне наши берутъ и носятъ свои хлѣбы для освященія. Нужно обратить вниманіе еще и на то, почему, на примѣръ панъ — католикъ, живущій въ селѣ Д., не поступилъ по примѣру выше упомянутаго папа, а всегда отправлялъ и отправляетъ свои хлѣбы для освященія въ костель, не смотря на то, что онъ живетъ въ ближайшемъ разстояніи отъ костела и не бѣдиѣ того? По всей вѣроятности потому, что ксендзамъ-соблазнительмъ дѣйствовать у него несподручно. Допустимъ, пожалуй, что въ этихъ случаяхъ упомянутый ксендзъ былъ недалковиденъ, а потому и поступилъ такимъ образомъ, но какимъ же образомъ объяснить поступки ксендзовъ, за которые они остаются безнаказанными, такого рода! Ксендзъ М. костела Д., освятить пасху во всѣхъ деревняхъ Старо-Межирѣчскаго православ-

наго прихода, освятить пасху также и для большей половины крестьянъ деревни Л., при томъ еще и поносили ихъ, почему они все не освящаютъ у него хлѣбы и не ходятъ въ костель, указывая на то, что будто бы крестьяне другихъ деревень давно уже оставили православную церковь и все ходятъ въ костель. А между тѣмъ, въ этой деревнѣ изъ его прихожанъ существуетъ одинъ только католикъ — нѣкто Горголь; а семейство его, и все другіе крестьяне деревни Л. принадлежатъ къ православному вышеупомянутому приходу. О такомъ поступкѣ ксендза, какъ намъ извѣстно, сами православные жители означенной деревни заявили жалобу своему приходскому священнику, который и съ своей стороны возвысилъ голосъ противъ пахальства ультрамонтанъ. Что же вы думаете, и въ такихъ очевидныхъ случаяхъ пропаганды, ксендзы оставались безнаказанными! А какое основательное оправданіе придумалъ этотъ ксендзъ въ защиту своей преступной дѣятельности? Онъ поставилъ въ свою защиту своегоже кучера, который засвидѣтельствовалъ, что ксендзъ Д. въ деревнѣ Л. ничего подобнаго не совершалъ. И что же? Ксендзъ былъ оправданъ. Такимъ образомъ поступали у насъ на Подляси, и другіе ультрамонтане-патеры, нагло и безнаказанно вторгаясь въ чужую паству.— Теперь постараемся представить факты, о совершеніи подобными ксендзами таинствъ для колеблющихся въ православіи. Такъ, ксендзы М. костела не желая, что бы ихъ дѣйствія и намѣренія были извѣстны, кому бы то ни было, придумали слѣдующій способъ совершенія таинствъ для колеблющихся въ православіи. Не довольно того, что предъ исповѣдію, какъ вообще заведено у нѣкоторыхъ фанатиковъ-ксендзовъ на Подляси, они требуютъ отъ приступающихъ къ оной православныхъ присяги въ томъ, что ни кому о томъ не скажутъ, но для большей своей безопасности означенные ксендзы поступаютъ еще такимъ образомъ: назначаютъ прежде всего, для соблазненныхъ православныхъ извѣстный день; въ этотъ день они совершаютъ сколько возможно раньше литургію, такъ что въ то время стражники еще спятъ, и во время ея одинъ изъ ксендзовъ исповѣдуетъ, а другой тутъ же стоитъ съ дарами и на скорую руку пріобщаетъ ихъ. Въ это же время костель оцѣпленъ бываетъ сторожами, которые слѣдятъ за проходящими, извѣщая объ опасности. Такой способъ свращенія въ папизмъ, отецъ парохъ, должно быть, позаимствовалъ за границею, у отцевъ своихъ іезуитовъ, къ которымъ онъ ѣздилъ якобы на минеральныя воды.—Вообще, съ достовѣрностію можно полагать, что если у насъ извѣстные патеры отправлялись за границу или на воды, то они ѣхали къ отцамъ іезуитамъ за инструкціями¹⁾. Что же касается совер-

¹⁾ Такъ ксендзъ М. костела П. ѣздилъ за границу на воды, и какъ намъ передавали, въ Австрію. Замѣчательно, что съ этою его поѣздкою какъ разъ совпадаетъ подача (опубликованная въ газетахъ) прошенія къ Господину Министру внутреннихъ дѣлъ крестьянами фанатиками, не посѣщающими церковь, изъ деревень, окружающихъ городъ М. Кроме сего, передъ этою поѣздкою, между этими крестьянами ходила какая-то таинственная бумага, которую каждый изъ нихъ могъ держать всего одинъ часъ и въ тоже самое время между упомянутыми крестьянами была на что то складчина. Какая это была бумага и на что у нихъ была складчина, — узнать намъ этого не удалось; но только на основаніи этихъ данныхъ, съ достовѣрностію можно заключить, что прошеніе къ Графу Лорисъ-Меликову было подано по инициативѣ и руководству ксендза П., который, подготовивъ окончательно это дѣло, самъ уѣхалъ на воды, чтобы этимъ alibi по лучше скрыть слѣды своей преступной агитаціи. Ибо, почему таковое прошеніе, не было подано крестьянами напр. изъ деревень П. Б. и Р. В. православныхъ приходовъ, въ которыхъ наиболѣе фанатиковъ,

шенія ксендзами таинствъ, для колеблющихся въ православіи обыкновеннымъ безхитростнымъ способомъ; то оно производилось ими досель сплошь и рядомъ. Да и скрытничать имъ не было никакой необходимости; потому что они могли совершать таинства исповѣди и причастія православнымъ совершенно безнаказанно. Потому что во всякой съ этой стороны, для ксендзовъ опасности ихъ могли выручить ихъ помощники-органисты, которые иногда даже и не присутствуя при совершеніи ксендзами таинствъ, всегда объявлялись виновными, вмѣсто ксендзовъ. И благо; почему же органисту и не принять на себя подобную ничтожную вину, какъ выдача православнымъ картки для исповѣди и почему бы не понести за это такое строгое наказаніе, какъ напр. штрафъ въ пять рублей, когда ксендзь пробоощъ, за такое принятіе на себя органистомъ вины не только даетъ ему отпустить, но еще сторицею во всякое время возратить потерянное. Между тѣмъ и ксендзь будетъ чистъ, и органистъ не только ничего не потеряетъ, а напротивъ, доходъ его еще увеличится; такъ какъ подобный штрафъ для него будетъ служить только какъ бы предлогомъ для возвышенія цѣны на подобныя картки.—Вотъ напр. какъ увернулся отъ наказанія викарный ксендзь Р. костела, исповѣдывавшій въ В. костелѣ крестьянку А. Мацкевичъ Б. православнаго прихода: въ оправданіе свое, онъ указалъ на то, что не зналъ (обычное оправданіе ксендзовъ) о принадлежности ея къ православному приходу; такъ какъ органистъ выдалъ А. Мацкевичевой картку, какъ имѣющей право приступать къ таинствамъ въ костелѣ. Положимъ, органистъ виноватъ; но не правъ былъ, какъ намъ кажется, и этотъ ксендзь. Намъ кажется даже невозможнымъ, чтобы этотъ ксендзь не зналъ, что эта женщина принадлежала къ православному приходу. Ибо кому изъ христіанъ не извѣстенъ порядокъ исповѣди, во время которой, особенно на Подляси, никогда не пропускается вопросъ о томъ, когда и гдѣ приступающей къ оной былъ у исповѣди и Св. Таинъ Причастія? Кромѣ сего, этотъ ксендзь, при своемъ оправданіи, игнорировалъ распоряженіе начальства, по которому, ксендзы должны принимать къ исповѣди не по карткамъ, выданнымъ органистами, а по легитимационнымъ книжкамъ, выдаваемымъ гминами, въ которыхъ прописывается, къ какому приходу и въ родеповѣданію принадлежитъ владѣлецъ таковой книжки? Должно быть этотъ ксендзь совершенно забылъ о томъ, что какъ порядокъ исповѣди, такъ и существованіе для нихъ предписанія о легитимационныхъ книжкахъ извѣстны не однимъ только папистамъ, а если не забылъ, то вполнѣ надѣялся на то, что и такое ничтожное оправданіе будетъ признано вполнѣ достаточнымъ. Оно такъ и вышло. Ксендзь оправданъ, а органистъ заплатилъ пять рублей штрафа. А относительно того, что ксендзы Р. костела исповѣдывали изъ Ш. православнаго прихода двадцать человекъ, они въ свою защиту не произнесли даже и одного слова. Да къ чему было имъ говорить когда нашлись прекрасные защитники, которые постарались поставить дѣло такъ, что не ксендзы остались виновными, а тотъ, кто справедливо обвинялъ ихъ, какъ волковъ, безнаказанно вторгающихся въ чужое стадо? Дѣло повелось вотъ какимъ образомъ. Было предписано, кому слѣдуетъ, сдѣлать самое строгое по сему дѣлу дознаніе. Обвинялись въ этомъ дѣлѣ не крестьяне, а ксендзы, исповѣдавшие ихъ; между тѣмъ, какъ видно изъ строгаго дознанія, дѣло было поведено на оборотъ: именно постарались обвинить не ксендзовъ, а тѣхъ, которые у нихъ

исповѣдывались. При этомъ, дознаніе поручено было произвести неграмотному войту, который, какъ ему было приказано, призвавъ крестьянъ, объявилъ имъ, что они обвиняются въ томъ, будто совершенно не ходятъ въ церковь, а ходятъ въ костель и исповѣдываются не въ прав. церкви, а въ Р. костелѣ. Крестьяне, конечно, на это-высказали даже свое удивленіе и заявили, что они считаютъ себя православными и усердно посѣщаютъ церковь. Повидимому ксендзы вполнѣ оказались правыми, такъ какъ крестьяне не только не сознались, но даже удивились взведенному на нихъ обвиненію. Но просимъ обратить вниманіе во первыхъ на то, что дознаніе произведено не тѣмъ лицомъ, которому слѣдовало его произвести; во вторыхъ) лице, которое впоследствии такое дознаніе приписало себѣ, вовсе при этомъ дознаніи и не присутствовало; за тѣмъ въ третьихъ, сомнительно даже, что бы, при дознаніи, допрашивались тѣ именно лица, которыя привлечены на исповѣдь въ Р. костелѣ; кажется, постарались спросить тѣхъ, которые дѣйствительно ходятъ въ церковь, а не въ костель, а потому они и высказали свое удивленіе относительно такого обвиненія, а сдвоенныхъ вовсе и не допрашивали... Не смотря на не-правильность дознанія, ксендзовъ постарались представить невинными, не смотря даже на то, что староста Ш. православной церкви, при свидѣтеляхъ заявилъ, что жена его исповѣдывалась въ Р. костелѣ, но на первый разъ не приобщалась. Что же касается ксендзовъ М. костела, которые привлекли въ костель многихъ прихожанъ Ш. православнаго прихода, а также и другихъ ближайшихъ къ означенному костелу приходоу, то на преступность ихъ дѣйствій даже не обращено было никакого вниманія. Положимъ, что можно еще признать ихъ невинными относительно Ш. православнаго прихода, если, въ самомъ дѣлѣ, и пастырь этого прихода не указалъ на лицъ, исповѣдавшихся у означенныхъ ксендзовъ, что впрочемъ едвали возможно допустить; но почему же не обращено на нихъ никакого вниманія по донесенію пастырей Д. и М. православныхъ приходоу, въ которыхъ они обозначили не только лицъ, которыхъ ксендзы М. костела исповѣдывали, приобщали, погребали, и для которыхъ служили литургію, но указали также и на то, что для подтвержденія таковыхъ фактовъ найдутся свидѣтели? Тоже должно сказать и относительно преступной дѣятельности ксендзовъ другихъ костелоу напримѣръ: въ К., въ Ч. и другихъ.

Тамъ же, гдѣ мѣстные ксендзы сами опасались совершать для не принадлежащихъ къ ихъ приходамъ требы,—они употребляли все усилія, чтобы нуждающіеся въ совершеніи оныхъ нешли къ православному священнику. Они или настаивали ихъ совершать требы самимъ себѣ безъ священника, или же совѣтуютъ, чтобы они отправлялись за совершеніемъ требы за границу — въ Краковъ, или же въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста Царства Польскаго, напримѣръ: въ Ченстоховъ, Варшаву и Люблинъ. Для примѣра довольно указать, изъ числа многихъ фактовъ, на одинъ: такъ крестьянинъ деревни В., по совѣтамъ и возбужденію ксендза К. не только самъ похоронилъ на К. православномъ кладбищѣ свою жену, но при этомъ хулилъ православные обряды такими оскорбительными словами, что мы не рѣшаемся даже привести ихъ. Большая же часть изъ возбужденныхъ и фанатизированныхъ ксендзами обыкновенно совершаютъ требы, т. е. вѣнчаются и крестятъ дѣтей у не очень отдаленныхъ ксендзовъ, но приобщаютъ или черезъ самихъ же ксендзовъ, или чрезъ жидковъ и т. под. господъ свидѣтельствъ,— что они вѣнчались, или крестили своихъ дѣтей въ Краковѣ. Эти краковскіе браки, (какъ ихъ у насъ называютъ) которыхъ намъ приходилось быть сви-

а посѣщающихъ церковь должно считать единицами? Бросается рѣзко въ глаза также и то, что прошеніе подано только крестьянами изъ деревни, окружающихъ г. М.

дѣтелями неоднократно, совершались такимъ образомъ. Женить и невѣста, въ одно прекрасное время, исчезали изъ деревни почти незамѣтно и вдругъ разносился слухъ, что они будто бы уѣхали вѣнчаться въ Краковъ. Затѣмъ, не проходило и двухъ сутокъ со времени ихъ исчезновенія, какъ они являлись будто бы уже обвѣнчанными въ Краковѣ и открыто безпрепятственно начинали шумно праздновать свою свадьбу¹⁾. А между тѣмъ, таковыя браки приводили въ страшный соблазнъ не только колеблющихся, но и утвердившихся въ православіи; потому что таковыя браки ничто иное какъ открытый развратъ, такъ какъ, по большей части они не вѣнчались нигдѣ, а брачующіеся исчезали только для того, чтобы показать будто они поѣхали вѣнчаться въ Краковъ. Доказательствомъ того, что они большею частью нигдѣ не вѣнчались, служитъ то, что часто сами родители, спустя долгое время послѣ брачнаго ихъ сожителства, какъ мужа и жены, прогоняли или жениха или невѣсту должно быть, не имѣя болѣе возможности терпѣть открытый развратъ въ своемъ домѣ²⁾. Доказательствомъ же того, что они не вѣнчались и не крестили дѣтей въ Краковѣ, а получали краковскія свидѣтельства отъ здѣшнихъ кеендзовъ, служитъ во первыхъ то, что даже не мыслимо сѣздить въ Краковъ и возвратиться изъ него въ теченіи двухъ сутокъ; а во вторыхъ, то, что не такъ то давно былъ пойманъ крестьянинъ православнаго прихода Д., привезшій изъ Ченстохова формальныя метрическія свидѣтельства для дѣтей, которыя еще не родились, а только ожидались. Совращая въ папизмъ взрослыхъ бывшихъ уніатовъ, кеендзы не оставляли въ покоѣ и малолѣтнихъ. Вотъ какой способъ, для папской пропаганды между дѣтьми, придумалъ кеендзь пробощъ М. костела. Въ теченіи Св. Четырехдесятицы, онъ два раза въ недѣлю собиралъ къ себѣ дѣтей обоюгаго пола до трехъ сотъ человѣкъ, для обученія закону Божію, при чемъ большая половина были православныя и не изъ одного только города М., а и изъ сосѣднихъ православныхъ приходоу. Положимъ, учить закону Божію, — дѣло благое, (но это можно было совершать въ училищахъ, которыхъ въ одномъ городѣ М. три, да и въ сосѣднихъ приходоу училищъ тоже не мало, особенно, если бы оно совершалось для однихъ прихожанъ — католикоу; а то вѣдь это былъ только предлогъ; это была только оболочка, скрывающая отъ постороннихъ глазъ развитіе и распространеніе папизма. Не станемъ описывать чему училъ у себя кеендзь пробощъ дѣтей православныхъ, но ужъ навѣрно не православію. Послѣ же Св. Четырехдесятицы тоже и съ тѣми же дѣтьми продолжалось подъ видомъ обученія латинскому церковному пѣнію, какъ

¹⁾ По случаю одной такой свадьбы въ Д. приходѣ, фанатики устроили ночью мѣстному священнику серенаду и перепугали его семью, когда же священникъ пожаловался гминному судѣ и фактъ былъ подтвержденъ свидѣтельскими показаніями, судья — полякъ тѣмъ не менѣе оправдалъ виновныхъ въ безпорядкѣ, а священнику выразилъ, что молъ — батюшка, вы должны имъ еще спасибо сказать, что они васъ уследили своей музыкой.

²⁾ Сначала краковскіе браки, у насъ между крестьянами, были очень рѣдки, но когда они увидѣли, что эти браки могутъ быть совершаемы, то число ихъ съ каждымъ годомъ стало увеличиваться. — Также должно сказать и относительно крещенія дѣтей внѣ православной церкви.

тому, по достовернымъ слухамъ, учила ихъ какая-то дама, выписанная пробощемъ изъ заграницы, и именно изъ Кракова.

(Окончаніе въ слѣд. №.).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

СПРАВОЧНЫЙ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КЪ ПОКОЮ ЗАВѢТУ

СОСТАВЛЕННЫЙ

Членомъ Археографической Комиссіи
Министерства Народнаго Просвѣщенія Петромъ
Гильтебрандтомъ,

ПЯТЬ КНИГЪ.

Подробное объявленіе помѣщено въ № 13 „Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника“.

Въ „Словарь“ войдетъ не менѣе 125-ти печатныхъ листовъ большаго формата, раздѣленныхъ на пять книгъ, каждая въ 25 листовъ, въ листѣ 16 страницъ, въ страницѣ 2 столбца, слѣдов. во всемъ „Словарь“ будетъ не менѣе 2000 страницъ, или 4000 столбцевъ.

Подписная цѣна на всѣ пять книгъ „Словаря“: за одинъ (1) экземпляръ на обыкновенной бумагѣ восемь (8) рублей, на веленовой — двѣнадцать (12) рублей. Пересылка 1 р. 50 к.

Книги „Словаря“ не будутъ продаваться отдѣльно, по выпискамъ.

Учрежденіямъ и лицамъ, выписывающимъ значительное количество экземпляровъ, можетъ быть сдѣлана уступка, по соглашенію съ издателемъ.

Подписка принимается у издателя: Петра Андреевича Гильтебрандта, Петербургъ Надеждинская, 36.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Указъ Его Императорскаго Величества, о возведеніи второкласснаго Яблочинскаго монастыря въ первый классъ. — Опредѣленіе Святѣйшаго Синода: о разрѣшеніи рукополагать во священники не окончившихъ курса наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ. — Объявленія и извѣстія: Перемѣщеніе священниковъ; Назначеніе на священническую вакансію; Пожертвованіе пищацкихъ крестьянъ на благоустройство кладбища; Торжество 1-го іюня въ Радочницѣ; Пожертвованія въ пользу кобловской церкви; Утвержденіе въ должности церковнаго старосты; Утрата священническихъ грамотъ; О выпискѣ „Круга церковныхъ пѣснопѣній“; Увольненіе за штатъ священника и назначеніе на его мѣсто другаго. — Отдѣлъ II. Западно-русская церковная унія въ ея полемической письменности и литературѣ, В. Завитневича (продолженіе). — Ультрамонтанская пропаганда на Подляси въ новѣйшее время. — Объявленіе.

Редакторы: I-го Отдѣла Протоіерей І. Корженевскій
II-го Отдѣла Священникъ А. Демьяновичъ.

Печатать дозволяется. — Варшава, 17 іюля 1882 года. — Цензоръ, ключарь протоіерей К. Чеховичъ.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Королевская № 11.